

Молчание костей

Автор:

[Джун Хёр](#)

Молчание костей

Джун Хёр

Young adult. Азиатский детектив

1800 год, Чосон. Шестнадцатилетняя сирота Соль поступает на работу в полицейское ведомство, где становится ассистенткой молодого инспектора Хана. Девушка участвует в расследовании громкого убийства юной аристократки.

Погружаясь в пучину секретов жертвы, Соль и Хан постепенно сближаются. Но неожиданно для всех именно инспектор становится главным подозреваемым в этом запутанном деле...

Соль оказывается в трудной ситуации: возможно, только она способна раскрыть это ужасающее преступление. Удастся ли девушке отыскать убийцу, если никто вокруг не в силах помочь ей?

Джун Хёр

Молчание костей

Посвящается омме и аппе. Спасибо за то, что дали свободу и поддерживали мою любовь к писательству.

June Hur

THE SILENCE OF BONES

Copyright © 2020 by June Hur

Published by arrangement with Feiwel and Friends, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC.

All rights reserved.

© Тринкунас К., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Один

В столице царило безмолвие.

Обычно на дороге перед дворцом Чхандок[1 - Дворец Чхандок (кор. ???) - дворцовый комплекс в Сеуле, Южная Корея. Один из пяти больших дворцов, построенных королями династии Чосон. (Здесь и далее примечания переводчика.)] уже с раннего утра было не протолкнуться: у прилавков с рыбой толпились женщины, сновали туда-сюда земледельцы с овощами и фруктами, расхаживали ученые в шелковых одеяниях и монахи с четками на шеях, без усталости гонялись друг за другом дети с обгоревшими, липкими от жары лицами. Но не сегодня.

– Как вы считаете, полицейский Кён, слухи не врут? – По черным черепичным крышам стучал дождь. Я надвинула соломенный саткат[2 - Саткат (кор. ??) – коническая шляпа из листьев, текстиля или соломы для защиты от дождя и

солнца.] на лоб, и капли воды покатались с его остроконечной вершины к широким полям. – Короля действительно убили?

Под ногами усталых стражей порядка хлюпала грязь.

Кён – самый молодой среди полицейских, шедший последним в строю, – бросил на меня через плечо яростный взгляд:

– Следи за языком. Ты больше не в своей деревне, а в столице.

Он говорил об Инчхоне. Несколько месяцев назад я покинула родной дом и приехала в столицу, чтобы стать полицейской тамо[3 - Тамо, или дамо (кор. ??) – женщины на государственной службе во времена династии Чосон. В социальной иерархии Кореи они считались даже ниже рабов; их главной обязанностью было разносить чай («тамо» переводится как «чайная служанка»). В полиции тамо расследовали дела, связанные с женщинами, т. к. для мужчин многие взаимодействия с женщинами считались неприличными.] – крепостной служанкой, девочкой на побегушках.

– Но, э, вот что я тебе скажу, – полицейский Кён оглядел серую улицу и поправил пояс черной полицейской формы. – Когда король Чонджо[4 - Чонджо (1752–1800) – 22-й король государства Чосон, один из самых выдающихся правителей Кореи.] умер, с горы Самгак донеслись ужасные рыдания, а солнечные лучи сплелись, взорвавшись снопом искр.

– Предзнаменование? – прошептала я.

– И плохое. Старым порядкам настал конец, на смену им придут новые – и прольются реки крови.

Король был мертв, и нашим жизням суждено было измениться. Об этом поговаривали даже полицейские, которым я подавала вино. Их разговоры о политике и государственных изменах вызывали во мне целую бурю эмоций. Даже в тот момент, когда мы по приказу инспектора направлялись на место преступления, я не могла думать ни о чем другом.

– Давай-ка расскажу тебе кое-что о столице, новенькая. Тут все хотят только одного – власти. Завладеть ею или же упрочить. – Кён цокнул языком и отмахнулся от меня: – Хотя зачем там все это знать? Женщинам вообще не положено болтать столько, сколько болтаешь ты.

Меня кольнула досада. Он, конечно, прав – хотя я пока не считала себя женщиной. Мне было всего шестнадцать. Тем не менее я уже знала, что одним из семи женских грехов является чрезмерная разговорчивость. Мужчина был вправе даже развестись с женой, если та слишком много болтала.

В своем желании разбираться во всем на свете я винила старшую сестру. Для служанки она была необыкновенно умна: знала множество буддийских и конфуцианских стихов, однако всячески старалась скрыть это от меня и односельчан. Я вечно тянула ее за длинный рукав и просила рассказать что-нибудь еще, а она вырывалась со словами: «Лучше тебе этого не знать. Не выделяйся, не проявляй любопытства и тогда проживешь долго, Соль». Раньше я ненавидела ее за это, но теперь начинала понимать. В последнее время мое любопытство навлекало на меня одни неприятности.

– Эй, ты!

Я подняла глаза. Из-под широких полей черной полицейской шляпы на меня смотрел инспектор Хан. Бусы, нанизанные на завязки, свисали у него под подбородком, колеблясь под проливным дождем. За его спиной я увидела мужчин, которые, должно быть, приехали на место преступления до нас: двух полицейских, помощника прозектора, судебного клерка и полицейского художника. Я поспешила к инспектору. Краем уха услышала бормотание полицейских, с которыми сюда прибыла:

– Караульный нашел.

– Когда?

– Под конец дежурства на Южных воротах.

Я сложила руки перед собой и поклонилась инспектору Хану – даже ниже, чем следует. Немногие были достойны увидеть верх моей шляпы, и инспектор Хан входил в их число. Он напоминал мне большого пятнистого леопарда, который

водился в моей деревне: быстрый мускулистый охотник, превосходно умеющий прыгать, лазать и бесшумно пробираться сквозь заросли, не потревожив практически ни одной травинки.

– Вы меня вызывали, инспектор, – заговорила я.

– Взгляни на нее.

Он указал на бугорок в нескольких шагах от нас. Я зашла в тень от стены, которая окружала столицу Чосона, город Ханян[5 - Ханян (кор. ??) – название Сеула с 1394 до 1948 г.]. Эта стена была такой высокой, что заслоняла горы, и такой толстой, что захватчикам понадобилась бы тысяча лет, чтобы разрушить ее. Однако, сколь бы опасным ни был мир снаружи крепости, похоже, внутри тоже крылась угроза.

Я подошла к распластавшейся лицом вниз женщине. Желудок судорожно сжался. Судя по одежде – длинному платью и жакету из шелковистой рами[6 - Рами – ткань из китайской крапивы.], богатому цветочному узору на подоле и рукавах, – она была из знатного рода.

– Переверни ее, – приказал инспектор Хан. – Надо взглянуть на рану.

Я перешагнула через труп, наклонилась и приподняла женщину за плечо. Именно поэтому в столичной полиции и держали служанок вроде меня: моими руками полицейские арестовывали преступниц и осматривали пострадавших женщин. Конечно, это во многом мешало расследованиям, но что делать: мужчинам было запрещено касаться женщин, не связанных с ними родством. Таков был закон – закон Конфуция.

Я перевернула труп. Зашелестела объемная юбка. К моему рукаву прилипли длинные мокрые волосы, и я чуть не отскочила от тела.

Только бы не закричать.

Я закрыла глаза. В груди гудела паника. Я работала в полиции всего несколько месяцев и ни разу в жизни еще не дотрагивалась до убитых. Глубоко вдохнув, я убрала с рукава влажные пряди и заставила себя снова опустить взгляд. На

белом воротничке алела кровь. По бледному горлу женщины тянулся глубокий порез с рваными краями. Ее глаза застлала пелена, а на лице, там, где когда-то был нос, зияла окровавленная пещера – как у скелета.

– Ударили в шею, – констатировал инспектор Хан. Он указал на привязанное к юбке жертвы украшение, похожее на кисточку. – Норигэ[7 - Норигэ (кор. ???) – традиционное корейское украшение из нитей с плетеными узорами и узлами, дополненное бусинами или ювелирными украшениями и большими разноцветными кистями. Использовалось для украшения одежды.] не украли, да и заколка все еще на месте. Это не ограбление. А что у нее там под левым плечом?

Я приподняла ее плечо. Под ним лежал маленький окровавленный нож с серебряной рукояткой...

Я посмотрела на норигэ жертвы. Приглядевшись, поняла, что на нем было серебряное пхэдо[8 - Пхэдо (кор. ??) – маленький нож «чандо» для украшения и защиты чести.]. Мои руки двинулись сами по себе. Я взяла орудие убийства и вложила его в ножны, украшенные бирюзовыми камнями.

– Это был ее нож, – хмуро прошептал инспектор. – Отдай его клерку.

Я выполнила приказ, ошарашенная тем, что собственный декоративный ножик жертвы стал причиной ее смерти.

– А теперь найди ее хопэ.

– Нэ[9 - Нэ (кор. ?) – «да», выражение согласия по-корейски.].

Я провела пальцами по одежде женщины, зарылась рукой в ее юбку и достала желтую табличку из тополя. По закону все в Чосоне были обязаны носить такие таблички. На деревяшке виднелись символы: скорее всего, имя владельца, место его рождения, статус и место жительства. Не могу сказать точно, для меня все эти значки были похожи на бессмысленные мазки кисти. Наверное, это ханча, классические китайские иероглифы, официальная письменность нашего королевства – что это еще могло быть? В хангыле, нашей родной письменности, было куда больше кружков и прямых линий.

Я положила табличку в протянутую руку инспектора и подняла голову, надеясь по его виду угадать, что он думает. Тем не менее мой взгляд остановился на подбородке мужчины: я помнила, что не следует так смотреть на тех, кто выше меня по статусу. Я до сих пор не знала, какого цвета глаза у инспектора Хана.

– Юная госпожа О, дочь члена правительства О. Всего девятнадцать лет.

Среди полицейских пронесся ропот.

– Бедняжка, так рано умерла, – проговорил кто-то. – Бьюсь об заклад, ее убил кто-то из врагов отца. Слишком многие не любят членов «южной партии»...

Пока они тихо делились догадками, я подняла труп и понесла его к деревянным носилкам, которые держали полицейские Кён и Го. Только мне, девчонке-тамо, было позволено дотрагиваться до трупа женщины.

От боли в груди я сжала челюсти. За последние несколько дней мы увидели невероятное количество трупов, но все это были слуги и простолюдины. Полицейские относились к их телам все равно что к мясным тушам. Однако теперь все изменилось. Их потрясло убийство девушки из знатной семьи.

Еще один рывок – и я почувствовала болезненно-сладкий аромат смерти. Казалось бы, запах для меня не новый: я ведь раньше охотилась с луком на кроликов и птиц. Помогала их освежевывать. Тем не менее сейчас он отдавал одновременно зверьем и плесенью. Напрягшись в последний раз, я положила женщину на носилки и тут же отступила подальше от источника ужасного запаха.

– Старший полицейский Сим, допросите вместе с Кёном караульного, – прогремел сквозь шум дождя голос инспектора Хана. – Все остальные – обойдите сначала гостиницы, потом дома. Должны же остаться какие-то свидетели... – Он прервался, затем произнес: – Ты.

Я поднялась на ноги. Колени были влажными от грязи.

– Я, господин?

Инспектор Хан кинул на меня еще один взгляд и взобрался на коня.

– Да, ты. За мной.

Я кинулась следом. Грязь из-под мощных лошадиных копыт тотчас запачкала мне юбку и рукава. Должно быть, простолюдины услышали топот, потому что они все разом упали на землю, прямо лбом в грязь, как велели традиции. Инспектор Хан был не только аристократом, но еще и военным чиновником пятого ранга. Не каждому знатному мужчине дано достичь таких высот. И никто не посмеет не поклониться такому человеку.

А я?

Я была рождена служанкой и принадлежала к пальчхон – «восьми подлейшим сословиям». Это был низший класс, в который входили монахи, шаманы, шуты, мясники и тому подобные. Мы все в той или иной степени считались «грязными».

А я все равно представляла, что они кланяются мне.

* * *

Старшая сестра вечно ругала меня за то, что я веду себя словно китайская императрица. В детстве я всегда требовала внимания: я была уверена, что достойна большего – большей любви, большей признательности, большей доброты. Откуда только у служанки взялись подобные мысли?

Мой образ жизни должен был научить меня, что мир жесток и лучшего я не заслуживаю. Я познакомилась со смертью еще до того, как научилась ходить. Говорят, мой отец умер от голода, и – я сама этого не помню, мне рассказывали – во сне я часто пересчитывала ему ребра. Несколько лет спустя моя мать пыталась сброситься с утеса в море, но разбилась о скалистый берег. А когда мне было семь, я увидела юную госпожу Ыну из дома Нам, которую считала своей подружкой (хотя на самом деле я была всего лишь служанкой ее семьи), покрытую шелковым покрывалом – холодную и неподвижную. Однако почему-то образ «китайской императрицы» прилип ко мне, как колючий репейник, и не отлипал до тех пор, пока три месяца назад не произошло кое-что.

Меня поймали на попытке сбежать из полицейского ведомства. Я хотела скрыться от царившей там мешанины рук, ног, пронзительных криков – и от поймавшего меня дозорного в том числе. В тот день (то был четвертый день моего ученичества) я получила вести о том, что старшей сестре стало хуже, и мне во что бы то ни стало захотелось исполнить данное ей обещание. До чего я была глупа: решила, что смогу взять и так просто сбежать! Полиция преподала мне хороший урок. Меня наградили ожогом от раскаленного железа, как делали в древности, и теперь мою левую щеку украшал шрам в виде ханчи «би». Служанка.

Я дотронулась до левой щеки. Там, где рана зажила, кожа была плотной и неровной. На меня нахлынули отвратительные воспоминания. Как же мне хотелось тогда умереть! Я не представляла, как жить с таким позором. Впрочем, это желание быстро прошло. Пока у меня была цель – выполнить просьбу старшей сестры, – в моей жизни еще имелся хоть какой-то смысл.

«Останься в Ханяне, – умоляла она, – найди могилу нашего брата Инхо».

Мы обе были уверены, что он уже мертв, ведь он клялся могилой матери, что будет писать мне каждый день, в какой части королевства я бы ни оказалась. И я ему поверила – я же его знала. Мой брат всегда держал слово. Однако за двенадцать лет от него не пришло ни одного письма. Наверняка он уже мертв.

Когда я уезжала в столицу, сестра дала мне эскиз с изображением брата. Портрет был настолько блеклый и неточный, что исказил мои собственные воспоминания о нем. Тем не менее я всегда аккуратно прятала его в складках формы, когда покидала ведомство. Я поклялась, что найду старшего брата, а я, как и он, всегда держу слово.

Воспоминание потускнело: мы оказались в закольцованном лабиринте в центре столицы, где сплетались грязные улочки и аллеи, забитые лачугами из дешевой древесины и соломы. При виде нас обычные горожане ежились от страха. Впрочем, все изменилось, когда мы вошли в Северный округ, где жили высокопоставленные чиновники. К востоку от квартала лежал дворец Чхандок, а к западу – дворец Кёнбок[10 - Дворец Кёнбок (кор. ???) – дворцовый комплекс в Сеуле. Главный и крупнейший дворец династии Чосон, где жила королевская семья. Один из пяти больших дворцов, возведенных королями Чосона.]. Отчаяние больше не окружало нас: рядом возвышались узорчатые каменные стены и крыши из черной черепицы. Дождь начал утихать, и сквозь

прояснившийся воздух уже можно было разглядеть, как восемь горных пиков, словно клыки, прорезают небо вокруг чаши Ханяна.

– Стоять, – приказал инспектор Хан, когда мы подъехали к воротам обнесенного стеной поместья. – Как там тебя зовут?

– Соль, господин, – прошептала я.

На мгновение воцарилась тишина, а затем он спросил:

– Ну?

Я поспешно привязала поводья к столбу и постучала в огромные деревянные двери. В наступившей тишине я задалась вопросом, почему инспектор не помнил мое имя. Неужели меня так легко забыть? Я поправила черные как вороново крыло волосы, провела ладонью по полицейской форме. В блестящей луже внизу отразилось маленькое лицо с широкими губами и глазами, форму которых мне нравилось сравнивать с лепестками (и вовсе я не считала их «крошечными глазками», как называла их сестра). Из-за плотно перевязанной груди и телосложения – я была слишком высокой и тощей – я больше походила на мальчишку в юбке, чем на женщину. Похоже, во мне и правда не было ничего примечательного.

Из задумчивости меня вывел резкий скрип дверей. Оттуда выглянул сторож и осмотрел меня с ног до головы. Затем его взгляд упал на инспектора Хана, и сторож тотчас скромно склонил голову.

– Инспектор!

– Я приехал поговорить с господином О.

– О, он еще месяц назад из столицы уехал.

– А кто есть дома?

– Его жена, хозяйка Ким[11 - В Корее при замужестве жены не берут фамилию мужа, однако их дети носят фамилию отца.]. Но вам придется прийти как-нибудь

в другой раз. Видите ли, она болеет...

– Дело неотложное.

Сторож заломил руки, словно сомневаясь, а затем отступил на шаг назад и позволил нам пройти. Взявшаяся сопровождать нас служанка тоже была чем-то обеспокоена. В гробовой тишине она провела нас через внутренний двор к гостевому залу – длинному ханоку[12 - Ханок (кор. ??) – традиционный корейский дом с глиняными стенами и крышей из соломы или черепицы.] с четырнадцатью дверьми, покрытыми бумагой ханджи, и тяжелыми балками под черепичной крышей, по краям изгибавшейся подобно усам дракона. В нескольких шагах от павильона располагались ворота, которые, скорее всего, вели в другой внутренний двор: такие поместья обычно делились каменными стенами на пять частей, а между ними петляли узкие проходы.

Инспектор Хан вдруг замер на полпути. Я чуть не налетела на него.

– Расспроси служанку юной госпожи О и доложи мне о результатах.

– Есть!

Сдвинув на затылок соломенную шляпу, я смотрела мужчине вслед, пока он, в одеяниях цвета полночной синевы, не скрылся из виду. Вскоре мимо меня прошла женщина с ведром воды, и я обратилась к ней:

– Простите, где я могу найти служанку госпожи О?

Незнакомка быстро повернула ко мне голову и задвигала губами, но вместо слов раздалось лишь тихое мычание. Кажется, попросила следовать за ней. Она засеменила ногами, и вода из ведра расплескалась по земле. Тогда служанка поставила ведро под крышу и провела меня через ворота рядом с павильоном во внутренний двор поместья. Сюда могли входить только женщины – мужчинам, за исключением ближайших родственников, это строжайше запрещалось. Здесь даже воздух был другой: тяжелый, наполненный священной тишиной.

Наконец служанка дернула меня за рукав и указала на девушку с заплетенными волосами. Дождь окончательно стих, а та все ходила кругами под открытым

небом.

– Это она?

Женщина кивнула.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Я повернулась к девушке. Наши взгляды встретились. Мне тут же бросились в глаза ее бледное лицо и прилипшие к вискам мокрые волосы. Нездоровится, наверное, или же она волнуется. Боится.

Она тоже оглядела с ног до головы меня и мою форму – светло-серый жилет квэджа поверх темно-серого платья, синие воротник и манжеты, завязанный пояс. Ее глаза остановились на выжженном на моей щеке шраме.

– Ты полицейская тамо.

Ее слова будто обожгли мое лицо, и я попыталась закрыть шрам волосами.

– Да.

– Что тебе нужно?

– Я принесла плохие вести... – Я бы хотела преподнести эту новость мягко, но разве можно мягко сообщить, что твоей госпоже перерезали глотку? – Твоя хозяйка мертва.

Я ожидала дрожи и слез, но чем дольше я на нее смотрела, тем больше недоумевала. Непонятно: грустит она или нет? Слишком потрясена для проявления эмоций или же по ее лицу никогда нельзя угадать, что она чувствует?

– Мертва, – потухшим голосом повторила девушка.

– Сожалею.

Я как смогла пересказала служанке, что случилось. Потом я умолкла, не зная, как продолжить.

– Ты ее личная служанка, и... и наверняка от твоего внимания не могло ничего ускользнуть. Расскажи, во сколько твоя хозяйка ушла из дома?

– Не знаю. Я рано проснулась и пошла взглянуть, как ей спится, но постель была пуста. Тогда я подняла тревогу.

– Понятно... А врагов у нее не было?

Молчание затянулось.

– Я нарушила правило.

Я начала задавать вопросы лишь по приказу инспектора Хана, однако любопытство разгоралось во мне подобно распаленному маслом огню. Я никогда не умела справляться с этим чувством.

– Правило?

– Да, которому учат всех слуг.

Это правило я знала слишком хорошо. «У меня есть рот, но я не должен говорить; уши, но я не должен слышать; глаза, но я не должен видеть».

– Ты что-то слышала, – догадалась я. – Или видела?

– Видела. Хотя не должна была видеть.

– Что ты видела?

Она долго не отвечала. Лишь смотрела на меня, задумчиво заправляя волосы за ухо.

– Как-то ночью я, не подумав, открыла дверь в комнату хозяйки и заглянула внутрь... Там кто-то был. Было темно, так что я его не разглядела, но я уверена, что это был мужчина. Он вскочил и выбежал через заднюю дверь. А мне стало так стыдно, что я тоже убежала.

– Когда это произошло?

– Неделю назад, – ответила служанка. – А еще я нашла письмо.

В моей голове роились мысли.

– Ты умеешь читать?

– Меня хозяйка научила.

– А ты этого хотела?

Немногие наемные слуги хотят научиться читать, даже если им представляется такая возможность. Какой толк учиться грамоте, если она тебе в жизни не пригодится?

Я вдруг обратила внимание на то, как высоко девушка держит подбородок, и сказала даже больше самой себе, чем ей:

– Ты не хочешь оставаться служанкой.

– Меня мое положение устраивало, однако хозяйка... – она вновь неуверенно замолчала.

– Мне можешь рассказать.

– Хозяйка говорила: «Я не верю, что люди рождаются рабами. Смотрю на тебя – и вижу сестру». – Ее губы слегка задрожали, она посмотрела мне прямо в глаза: – Зачем тебе это? Ты же ее смерть расследуешь.

Я прочистила горло. Любопытство во мне разыгралось не на шутку. Грамотная служанка. Это же неслыханно. Возмутительно даже.

– Письмо. Что в нем было?

– Оно было короткое. Я его хорошо запомнила.

Я ждала.

– Так... Что в нем было?

Она не сводила с меня глаз, как будто всеми силами заставляла себя не отворачиваться. Наконец девушка заговорила. Твердо. Казалось, что она перечитывала то письмо бесчисленное количество раз:

– Там было сказано: «Дорогая, моя верность тебе тверже камня, а моя любовь все так же непоколебима. Даже не сомневайся. Приходи сегодня в час Крысы[13 - Восточный зодиак в Корее использовался не только для годов, но и для исчисления часов в сутках. 24 часа делились на 12 промежутков, и каждый промежуток соответствовал какому-либо животному. Час Крысы длится примерно с одиннадцати часов вечера до часа ночи.] на наше обычное место». Она получила это письмо утром накануне...

В наступившей тишине я закончила предложение:

– ...смерти.

– Да, – служанка распрямила плечи. – Пожалуйста, если ты закончила, мне бы хотелось побыть одной.

– Понимаю, – я кивнула и, не удержавшись, спросила: – Как тебя зовут?

– Сои, – девушка ответила мне пристальным взглядом. Ее глаза были похожи на два черных омота, в которые мне совсем не хотелось окунаться. Что-то крылось под их неподвижной гладью.

– Спасибо, Сои.

Я отвернулась, уже собираясь уходить, но спиной чувствовала ее присутствие, словно наш разговор еще не окончен. Я повернулась к служанке и задала последний вопрос:

– А где письмо?

В этот раз она смотрела не на меня, а на мокрую от дождя землю.

– Оно заканчивалось словами: «Сожги это письмо».

* * *

Тучи сгущались. Я шла следом за инспектором Ханом по грязной улице и докладывала ему о том, что услышала от служанки Сои. Точнее, не ему, а его плечам – двум древним скалам, отшлифованным синим шелком. Инспектору было всего двадцать семь лет, но почему-то он казался гораздо старше и мудрее.

– И последнее: она пересказала мне содержание письма, которое получила госпожа О. Письмо от ее любовника. – Я по памяти зачитала текст письма, слово в слово. Затем добавила: – На вопрос, где служанка Сои научилась читать, она ответила, что госпожа О лично обучила ее. После этого мы разошлись.

– Значит, у тебя и правда хорошая память, – ответил инспектор Хан. – Будешь чаще помогать в сборе информации и расспросах женщин.

– Конечно, господин.

Я еле сдерживала восторг. Я буду полезна самому инспектору!

– Господин, а как вы понимаете, что человек что-то недоговаривает?

– Почему ты интересуешься?

– Мне любопытно, господин.

– Любопытно...

Одно короткое слово, и он замолк. Тишина давила. К горлу подступила тошнота. «Не разговаривай без разрешения с людьми выше тебя по чину, Соль. Ну разве это так сложно?» – не раз повторяла мне сестра. Я чувствовала, как внутри узлами нарастает напряжение, прямо как при общении с ней; и тишина была такая же гнетущая, полная потаенных мыслей.

Наконец наше напряженное путешествие подошло к концу: впереди показалось внушительное здание Столичного ведомства полиции. Оказавшись перед ним впервые, я перепутала его с дворцом – и немудрено: богато украшенные ворота, красные деревянные балки, черепичные крыши.

– Что ты чувствуешь, когда врешь, тамо Соль? – внезапно спросил инспектор Хан.

Я не сразу поняла, что он ждет ответ.

– Я начинаю волноваться, господин.

«Прямо как мгновение назад».

– Тревога весьма действенно влияет на человека. Она везде оставляет следы. В манере речи, в цвете щек, в жестах рук.

Я вспомнила глаза служанки Сои – темные неизведанные омуты. И рискнула задать последний вопрос:

– А глаза, господин?

– Иногда выдают и они. Секреты делают людей безрассудными.

– А если человек долго и странно смотрит на тебя?

Он перекинул ногу через седло и легко спрыгнул на землю. Я удивилась: мне казалось, человек его роста и телосложения не должен настолько тихо приземляться.

– Бывают такие лжецы, которые пристально смотрят прямо в глаза. Они хорошо умеют манипулировать людьми и контролировать их.

Прежде чем я успела сказать что-либо еще, он передал поводья слуге и зашагал к зданию. Я же замерла перед воротами, чувствуя, как становлюсь меньше: голова сама собой склоняется, плечи втягиваются, одна рука прячется под другой. Я ныряла в панцирь каждый раз при входе в ведомство, представляя невидимую надпись на воротах: «Будь осторожна. Никому не перечь. Всегда подчиняйся».

Я опасливо прошла внутрь. Во дворе царил сущий беспорядок. Мальчишка-слуга с грязным лицом толкал тележку с поскрипывающими колесами; мимо шли служанки с подносами, на которых были аккуратно разложены закуски. Откуда-то вынырнули полицейские Го и Кён с деревянными носилками, где лежал труп под соломенной циновкой.

– Инспектор Хан! Вы приехали! – с самодовольной ухмылкой встретил его Кён.

– Что такое?

– Командор приказал перенести юную госпожу О в смотровую.

– Переносите, – инспектор Хан обернулся через плечо: – Соль, помоги им.

Я уставилась на носилки. Из-под циновки выглядывали безжизненные серые пальцы. «Я не хочу к ней приближаться!» – хотелось воскликнуть мне. Но перед инспектором Ханом я, конечно, промолчала. Он выжидающе смотрел на меня, я заломила руки, вновь почувствовав запах смерти, и наконец заставила себя шагнуть вперед – лишь для того, чтобы продемонстрировать свое послушание.

Следом за полицейскими я прошла в продуваемую насквозь комнату, где пахло уксусом и гниением. На специальной стойке была раскрыта книга с иллюстрацией человеческого тела. Рядом на столе лежали инструменты: нож, линейка, миска, игла, серебряная булавка. Я задержала взгляд на булавке. В прошлый раз вместе с трупом к нам привели свидетеля, который заявлял, что жертва умерла от яда. На моих глазах помощник прозектора вставил булавку сначала в рот трупа, а затем в анус. Судя по всему, в случае отравления серебро

должно было потемнеть.

– Служанка! – позвал меня Кён. – Положи труп на стол. Головой к югу, ногами к северу.

Я приподняла застывшее тело, и по коже пробежали мурашки. До этого я уже поднимала людей, например, подругу на закорках во время игры, но она весила намного легче. Она была живой. А труп был не более чем куском мяса. Смерть отягощала тело. Когда я наконец водрузила женщину на деревянный стол, я отступила на шаг назад, надеясь, что желудок успокоится.

– Привыкай.

Я оглянулась через плечо и поняла, что мы с полицейским Кёном остались одни: второй мужчина куда-то ушел.

– К чему привыкать, господин? – Я заговорила с ним вежливым тоном, как с каким-нибудь почтенным солдатом. Хотя на самом деле он был всего лишь младшим полицейским, да и он почти мой ровесник: всего-то на два года старше меня.

– Ты ведь видела трупы, которые всю неделю свозили в ведомство. – Он взял книгу со стойки и, пролистав страницы с каллиграфией и рисунками человеческого тела, остановился на иллюстрациях органов. – Командор Ли большую часть тел отправил в другой город, чтобы вскрытие проводили там. Остальных похоронили в ближайших холмах, а их убийц оправдали или назначили лишь легкое наказание. А знаешь почему?

Вопрос был несложный. Я всегда отличалась наблюдательностью, всегда следила за происходящим уголком глаза.

– Все жертвы были низкого происхождения.

Он громко захлопнул книгу. В луче серо-голубого света поднялось облако пыли.

– Подойди-ка сюда. Я расскажу тебе секрет, – подозвал он меня.

Я сделала несколько неуверенных шагов в его сторону, а так как он был выше, мне пришлось запрокинуть голову, чтобы расслышать его шепот:

– Они все были католиками.

У меня на голове волосы встали дыбом.

– Католиками... – так же тихо произнесла я.

Само слово звучало как предательство. Католики следовали западному учению, которое было запрещено и каралось казнью.

– Все жертвы были католиками, поэтому полиция плевать на них хотела. Но убийство госпожи О... – полицейский Кён покачал головой и невесело усмехнулся. – Скоро увидишь: инспектор Хан больше не сможет оставаться безучастным.

Я повернулась к госпоже О, чей немигающий взгляд был направлен в потолок – как и зияющая дыра у нее на лице. Кто-то убил ее прямо на улице, где совсем близко дежурили караульные. Убийца мог тут же сбежать, чтобы его не поймали, но вместо этого он склонился над женщиной и отрезал ей нос. Я попятилась.

Я-то надеялась, что госпожа О станет первой и последней жертвой убийства, к которой я когда-либо прикоснусь. Но после слов Кёна... Боги, неужели мне придется столкнуться и с другими трупами?

Два

На следующий день мне дали задание отнести письмо. Я пошла в обход, чтобы наконец найти то, что искала: белевший на глиняной стене гостиницы портрет священника Чжоу Вэньмо[14 - Чжоу Вэньмо (1752–1801) – первый иностранный (китайский) католический священник в Чосоне.]. На его худое лицо падала тень от соломенной крыши, уголки глаз были опущены.

Всего два месяца назад его изображали более круглолицым, да и уши были поменьше. Эти изменения напоминали дрожащее отражение на поверхности лужи, которое каждую секунду преображалось во что-то новое. Никто не знал, как священник выглядит на самом деле. Художники опирались только на бродившие по городу слухи.

Лишь глаза всегда рисовали одинаковыми – и грустнее их я еще ничего не видела.

А теперь его молчаливый взгляд напоминал мне об убитых католиках. С тех пор как умер король, смерть постоянно то приходила, то покидала наше ведомство, и это совсем не удивляло командора Ли. Словно он и ожидал, что будет столько убийств.

Оголодавшие брат с сестрой, запертые отцом в сарае. Утопший слуга, которого хозяин столкнул прямоком в водную могилу. Пропавшая девочка, которую в последний раз видели у колодца, а потом нашли мертвой под кустом – ее убила тетя. Телега с семьей обугленными трупами из сгоревшей хижины, двери которой приказала запереть знатная женщина.

– Казнь любого человека – это серьезное решение даже для королевства, – объяснял командор Ли аристократке, когда ту привели в ведомство. – Пусть ваши слуги и были мятежными католиками, вам не следовало столь бездумно причинять вред подданным его величества.

Ее дело передали в Палату наказаний, где женщине должны были вынести приговор. Однако краем уха я слышала: решено было объявить, что казнь мятежных католиков была необходима для блага королевства.

Что в этом католическом учении было такого пугающего, что люди шли на убийство собственных слуг, собственных детей?

Отдав письмо в государственное ведомство на улице Юкчо[15 - Улица Юкчо, или улица Шести палат (также «улица Шести министерств»/«улица Шести приказов») – улица в Ханяне в эпоху династии Чосон, на которой располагались главные королевские ведомства. Сейчас на ее месте находится площадь Кванхвамун.] рядом с дворцом Кёнбок, я заторопилась обратно в полицию. Старшая служанка велела мне подмести главный павильон. Я взяла метлу, но до

павильона так и не дошла, а спряталась за дверью смотровой. Меня со вчерашнего дня мучил вопрос, как же умерла госпожа О. Но из-за полицейских регламентов и государственного траура по королю осмотр тела перенесли на сегодня.

Убедившись, что вокруг никого нет, я придвинулась ближе и заглянула в щель. Из комнаты доносились серьезные голоса.

«Мне нельзя здесь находиться», – мелькнула в голове мысль, но любопытство пригвоздило меня к полу. Как и вопросы: связана ли гибель госпожи О с другими смертями? Неужели ее тоже убила эта западная ересь?

– Темя и левая половина головы выглядят нормально, – объявила тамо Хеён двум отвернувшимся от стола мужчинам. Она была их глазами, единственным способом осмотреть нагое тело жертвы. – На правой стороне головы виднеется старый шрам. По форме напоминает боб...

Хеён в подробностях описывала каждую черту женщины, даже самую банальную, и мужчины доверяли ее осмотру. В отличие от меня Хеён и другие тамо были девушками образованными и обладали широкими познаниями в медицине. Они собирались стать придворными врачевательницами, но тех, кто плохо учился, ссылали работать тамо, пока они не сдадут медицинский экзамен.

Поистине жестокое наказание за несколько плохих оценок.

Но даже если Хеён и считала это несправедливым, ее лицо ни разу не тронула тень раздражения. У нее даже щеки от злости не вспыхнули, когда Кён сказал ей, что ее прекрасное личико затмевают огромные уши. Хеён было восемнадцать, и она обладала грациозностью и зрелостью высокочтимых врачевательниц, состоявших на службе самой королевы.

– Горло перерезали ножом, одним уверенным движением. – Какой же спокойный у нее был голос! – Нос отрезали клинком. – Девушка измерила линейкой рану и озвучила ее ширину и глубину в пунах и чхонах[16 - Пун (кор. ?) и чхон (кор. ?) – меры длины. Один пун равняется трем миллиметрам, один чхон – примерно трем сантиметрам.].

– Рана была настолько глубокой, что женщина тут же умерла, – пробормотал помощник прозектора.

– Судя по состоянию тела, а также принимая во внимание дождь и летнюю жару, – продолжала Хеён, – госпожа О умерла в районе полуночи. К утру она уже была мертва несколько часов.

– Хм. Значит, убийство произошло во время комендантского часа, – отметил помощник прозектора. Комендантский час начинался за час до полуночи и заканчивался на рассвете. – Караульные наверняка патрулировали окрестности, однако убийца не пожалел времени и отрезал ей нос. Как вы думаете, господин, почему?

Помощник прозектора повернулся к крупному мужчине в широкополой полицейской шляпе, под тенью которой прятались его глаза. Был виден только длинный багровый шрам, прорезающий красную, покрытую сыпью щеку. Это был командор Ли.

– Убийца, несомненно, испытывал к жертве глубокую ненависть, – ответил командор. – Покажите мне, что она сжимала в руке.

Я наморщила лоб. Что? У нее что-то было в руке? Я помню только, что у нее был сжат кулак, но я и не приглядывалась.

Командору Ли подали деревянный поднос, на котором лежал свернутый шнурок длиной с руку. Он принялся его изучать, и я вытянула шею, чтобы рассмотреть получше.

– Как видно, здесь был узел, – отметил командор. – Инспектор Хан подозревает, что это шнурок от ожерелья, сорванного с убийцы. Мои полицейские обыскивают место преступления в поисках подвески, если таковая была.

Меня накрыла волна нетерпеливости. Хотелось бежать со всех ног, самой искать подвеску, которая может навести на след убийцы. Но прежде чем любопытство окончательно унесло меня с места, Хеён начала покрывать труп смесью из винного осадка и уксуса. Я аж рот раскрыла при виде реакции кожи. Каким-то образом эта жидкость проявила все ушибы и раны, и тело женщины расцвело фиолетовыми и желтыми красками. Я вцепилась в дверную раму.

– Вокруг рта – фиолетовый синяк в форме руки, – описала Хеён.

– Кто-то пытался заглушить ее крики, – отметил командор Ли.

С самого первого дня в полиции моя жизнь приняла странный оборот. Я не знала, куда направляюсь и где в конце концов окажусь, и нередко бродила кругами по столице без какой-либо цели. Каждый день был похож на нераскрытое дело. И пусть я до сих пор не могла найти ответы на свои вопросы к жизни, образовавшийся во мне узел разочарования словно ослабевал, пока я наблюдала за Хеён, разгадывающей загадку этой мертвой женщины. За каждым синяком и раной таилась история, и если найти все улики, то жизнь непременно вернется в нормальное русло.

Я напрягла слух, стараясь расслышать их тихий разговор. Вспышка стыда обожгла мне грудь и переползла на лицо: Хеён осматривала интимные части тела. Я отвернулась, когда тамо объявила: «Она не девственница», – и увидела перед собой инспектора Хана.

– Что ты тут делаешь?

Я покраснела до кончиков ушей.

– Я п-просто смотрела. Мне было любопытно, господин.

– Похоже, любопытство – твое естественное состояние по жизни. Есть ли ему где-нибудь конец?

Я медлила с ответом.

– Я и сама никогда не находила ему конца, господин. Так что не знаю.

Уголки его губ тронула едва заметная улыбка.

– Скажи-ка мне, тамо-следовательница: исходя из того, что ты сейчас увидела, как думаешь, что привело к ее смерти?

– Я... не знаю, господин.

Он кивнул и, немного помолчав, сказал:

– Обычно причин для убийства три: похоть, жадность и месть. Из этих трех чаще всего убивают из-за мести.

– А я и не знала, – тихо призналась я.

– Нет, конечно, не знала. Не удивлюсь, если ее убил кто-то из родственников или любовник. Я так давно работаю в полиции, что меня уже сложно чем-либо удивить. – С усталым вздохом инспектор Хан указал мне на дверь. – Объяви о моем приходе и уходи.

Я сообщила о прибытии инспектора Хеён, которая ненадолго прикрыла труп соломенной циновкой. Вновь оказавшись в одиночестве, я направилась к главному павильону. Щеки до сих пор пылали. Я начала мести полы, и под однообразные взмахи метлой мои мысли снова вернулись к госпоже О. Значит, девственницей она не была; тогда, получается, у нее действительно был любовник.

«И, быть может, – подумала я, – любовник и острый ножик».

Я остановилась и, накрыв бамбуковую ручку метлы ладонями, оперлась на нее щекой. Туман, за которым скрывалось утреннее солнце, ворвался в открытые ворота и поплыл по двору, оставляя капли росы на массивных деревянных колоннах и серых холодных камнях. Ведомство словно погрузилось в глубокое серо-синее море. Безбрежное пространство между мной и остальным миром.

Интересно, подземный мир так же выглядит? Место, где живет теперь юная госпожа О, дом моим отцу, матери, брату...

– Бежим! Скорее!

Далекие голоса спутали мои мысли. Я увидела тени, бесформенные глыбы, пробирающиеся ко мне сквозь туман. Они становились все больше, все отчетливее, и наконец в главные ворота ведомства вбежали двое полицейских в

развевающихся черных одеяниях.

– Эй, ты! – окликнул меня один из них. – Где инспектор Хан?

– В смотровой.

Они пробежали мимо меня и исчезли в южном дворе.

Должно быть, поступила новая жалоба. Может быть, нашли очередную распутницу наподобие госпожи О, которую зарезали, чтобы сохранить честь семьи. Я начинала понимать, что это преступление не из редких. Для столичных аристократов честь многое значила – даже больше, чем сама жизнь. Как-то раз я слышала очень странную историю о женщине, которая отрубила топором собственную руку лишь потому, что ее случайно задел незнакомый мужчина.

Мои мысли бродили где-то далеко, пока я мела пол – вернее, по большей части просто таскала за собой метлу, оставляя немало участков пола нетронутыми. Я редко когда вкладывала душу в домашние обязанности, тем более в подметание. В моей жизни были вещи поважнее, чем погоня за пылью.

«Вещи поважнее? – буквально услышала я упрек старшей служанки. – Это какие же, тамо Соль?»

Мы, тамо, по возможности всегда отлынивали от обязанностей или же делали их спустя рукава. Однажды старшая служанка послала тамо Эджон готовить чай, а та заснула во дворе кухни с медицинским справочником на коленках. Тогда старшая служанка в качестве наказания высекла Эджон по икрам и поступала так с каждой тамо, когда та увиливала от дел. Впрочем, гнева полицейских мы боялись куда больше.

В конце концов я решила, что помещение уже выглядит достаточно прилично и мне не попадет за безделье, и пошла через двор к кладовке поставить метлу на место, но остановилась на полпути, услышав за спиной торопливые шаги.

Это оказался полицейский Кён.

– Ты чего тут встала?

– Господин, мне велели подмести...

Он сунул мне в руки моток веревки из пяти жгутов – такую обычно использовали для связывания пойманных преступников.

– Ты идешь с нами. Нам нужна женщина.

– Куда?

Он ответил едва слышно:

– На гору Инван[17 - Гора Инван, Инвансан (кор. ???) – 338-метровая гора в Сеуле. Отличается большим количеством гранитных глыб. Название переводится как «гора щедрого короля».].

Я провела языком по пересохшим губам, в горле внезапно запершило. Только сейчас я заметила у полицейского лук и полный колчан стрел. Гору Инван я до ужаса боялась с тех самых пор, как впервые услышала о ней еще ребенком. Ее называли домом белых тигров.

Я постучала пальцем по бамбуковой ручке метлы, пытаюсь уговорить панику.

– А что там, на горе Инван?

Кён мог бы отчитать меня за необдуманный вопрос. Вместо этого он ответил:

– Служанка Сои сбежала.

* * *

К полудню, когда мы выехали, туман совсем сгустился. Впрочем, инспектор Хан хорошо ориентировался в пространстве и спокойно вел двадцать полицейских и меня по Ханяну. Объявленный королевским судом пятидневный траур подошел к концу, и ларьки были снова открыты: продавцы голосили из-за прилавков, а мужчины и женщины сновали по улицам.

Несмотря на оживление, столица все еще казалась какой-то призрачной деревней. В воздухе висело предчувствие смерти. Лица вокруг были бледными, мрачными, а люди были поголовно одеты в белые одежды – цвет траура и скорби. Король умер. Столицу словно поцеловал смертельный зимний мороз. И только уличным мальчишкам, беззаботно снующим в толпе, это проклятие, похоже, было нипочем.

Мы выехали из крепости через Западные ворота. Дорога вилась сквозь деревеньку с соломенными крышами и выходила к пастбищам. Нам предстояло еще полпути до Инвана, но я уже не поспевала. Моя пони Гроза славилась весьма крутым нравом: она была своевольным, склочным, упертым маленьким чудовищем. И, нагнав на красавцев-братьев, шедших куда быстрее ее, она явно вознамерилась скинуть со спины замедляющий ее груз – то есть меня. Так что я судорожно хваталась за поводья и старалась не потерять в тумане других полицейских.

Я была так сосредоточена, что едва обращала внимание на окружающий нас пейзаж. Одним туманным слоем за другим показались далекие горы. Несколько шагов назад деревья в отдалении казались короткими и тихими – и вдруг вокруг вырос высокий густой лес, а мы погрузились в темноту, словно в пещеру жестоких, безжалостных снов. Я пощипала себя за щеки, надеясь, что никто не обратит внимание на то, как кровь отлила у меня от лица.

– Ищем до удара гонга, потом возвращаемся сюда, – раздался голос инспектора Хана. – Всем рассредоточиться!

Факельщики уехали вперед, заводя нас глубже в лес у подножия горы. Мы медленно пробирались сквозь деревья, чистые ручейки, колючки, кусты. Вокруг, изредка спадая с отвесных скал, вился туман. У меня не раз перехватывало дыхание при виде этого зрелища, а один полицейский в ужасе даже схватился за стрелу.

Чем дальше мы расходились друг от друга, тем больше меня поглощало одиночество. То и дело мерещилось рычание – то в журчании воды, то в шуме крови в ушах.

Что могло привести служанку Сои в столь пугающее место? Что ей было прятать? Видимо, тигров она боялась меньше, чем пыток. Свидетелей –

невинных людей, которым не повезло знать убитого или подозреваемого, – нередко заключали в тюрьму на много месяцев и избивали до смерти, лишь бы получить какие-нибудь показания.

– Наверняка в пещере где-нибудь прячется, – высказал догадку Кён.

Я подъехала к нему поближе. Когда я только встретила полицейского Кёна, он напомнил мне легендарных королевских следователей из историй, на которых я выросла. В них рассказывалось о молодых мужчинах, которых король тайно посылал в далекие деревни бороться с великой несправедливостью. Выглядел Кён точно похоже: длинные черные волосы в идеальном пучке, обнажающем точеное лицо, волевой подбородок, полные губы, атлетическая фигура, покрытая рябью сухих мышц, – прямо герой из сказок о храбрости и чести.

Сейчас-то я уже знала, что к чему. Если полицейский Кён меня хоть чему-то да научил, так это тому, что грубая сила не равна храбрости. Можно обладать стальными мускулами – но хребтом из материнского молока. А единственным, что занимало сердце Кёна, была лишь его любовь к самому себе.

Плавающий туман окрасился в темно-синий, под стать смеркающемуся небу. Мы поднимались по горному склону. Даже рядом с Кёном я не чувствовала себя в безопасности.

– Уже довольно поздно. – Я надеялась, что полицейский расслышит мой немой вопрос: «Разве нам не пора возвращаться?»

– Ты что, не слышала приказ инспектора? Ищем до удара гонга.

Однако время уже, вероятно, близилось к часу Крысы. Еще чуть-чуть – и мы застрянем снаружи и не сможем попасть внутрь запертой крепости.

– Но как мы...

Где-то неподалеку хрустнула ветка. На меня накатил страх. Я повернула голову в сторону звука.

– Вы слышали? – прошептала я.

Умом я понимала, что в подлеске может оказаться служанка Сои, но сердцем видела лишь притаившиеся в тени зубы и когти.

Полицейский Кён покрепче обхватил лук.

– Езжай вперед.

Мы поехали туда, откуда раздался звук, сквозь бесконечные деревья, а потом обогнули огромный камень, покрытый мхом. Грохочущее в груди сердце успокоилось: это оказался всего лишь олень. Животное стояло за кустами, смирное, как скала, и смотрело на нас.

– Вот черт, – прошипел Кён, рывком разворачивая коня. – Она не могла уйти далеко. Королевская стража всегда патрулирует эту гору. Она обязана быть где-то тут.

– Зачем инспектору так нужна служанка Сои?

– Она подозреваемая. Кое-кто видел, как она покидала поместье в то же время, что и госпожа О.

Я удивилась. Мне с трудом верилось, что кроткая Сои могла взять в руки кухонный нож и уж тем более отрезать своей госпоже нос.

– Я найду эту суку. Вот точно тебе говорю, найду. Я за свою службу уже больше пятидесяти этих гадов арестовал – почти столько же, сколько инспектор Хан.

Чтобы не скривить недовольное лицо, мне пришлось прикусить нижнюю губу.

– Ради чего ты живешь? – Кён явно развлекался, его голос прямо-таки звенел от смеха. – А я тебе расскажу. Ты выйдешь замуж, нарожаешь детей и будешь и дальше заниматься тем, что тебе удастся лучше всего, – ты будешь служить. Служить хозяину, мужу, детям. – Он постучал себя по лбу. – Уж я-то знаю.

– Но я не хочу всего этого, господин.

– Однако ты будешь служить. Такова действительность, такова твоя судьба.

Судьба. Оковы твердые, как истина – неизменная, недвижимая. Когда я покидала родной дом, сестра рассказала, как долго мне придется служить в полиции по указке государства – вдалеке от дома, от семьи. «Одно поколение», – прошептала она.

Всю мою жизнь.

Свободна я буду только к сорока одному году – когда буду стара, как сама смерть.

Небо резко наполнил гул хлопающих крыльев, и над нашими головами взлетели птицы. Воздух пронзило далекое громкое ржание испуганного коня. Полицейский Кён припустил вперед, а вот мне понадобилось несколько судорожных мгновений, чтобы понять, что произошло. Я ударила каблуками по крупу Грозы и направила пони следом за полицейским через чащу, по выступавшим из-под земли корням и сквозь хлеставшие меня по лицу ветки.

Мы выехали к прогалине, и у меня замерло сердце. На другом берегу речки стоял инспектор Хан. Рукав у него был пропитан кровью, а сам он медленно тянулся за мечом, висевшим на боку. Всего в нескольких шагах от инспектора к земле прижимался тигр. У него были сильные лапы с острыми когтями, а из полосатой черно-белой грудной клетки доносилось утробное рычание. Чудовище выглядело никак не меньше инспектора Хана.

– Не двигаться, – приказал инспектор, правда, не нам. За гущей листвы извивался и тряс головой конь, из бока которого сочилась кровь, а прямо за животным пряталась служанка Сои.

Я не могла отвести глаз от происходящего.

– Стреляй! – прошипела я Кёну.

На скулах полицейского заиграли желваки. Его явно возмущала перспектива принимать приказы от девчонки, и все же он достал стрелу и вставил ее в лук. Когда он прицелился, я увидела, что металлический наконечник дрожит. Если до этого и была в Кёне какая-то решимость, то сейчас она рушилась на глазах.

– Сама выстрелю.

Я вырвала оружие у него из рук и выехала на прогалину, чтобы прицелиться. Тигр тут же меня заметил. Хорошо. Мой страх достиг пика, и на меня нахлынуло иное чувство – мощное желание, которое уже давно во мне кипело. Желание что-то значить.

«Не думай о цели слишком долго, – учил меня охотиться муж сестры. – Не ломай голову над тем, что может случиться. Сконцентрируйся на том, что хочешь, и стреляй».

Одним плавным движением я прицелилась и выстрелила.

Стрела просвистела в воздухе и громко вонзилась в бок животного. Тигр взревел. Я оцепенела от страха, но куда больше испугалась Гроза. Косматая пони взвилась, чуть меня не сбросив, и понеслась в лес. Тигр пустился следом, его яростный рык пробирал до костей. Рана, казалось, ничуть ему не мешала: ещё немного – и он нас нагонит. Я практически чувствовала, как в плечо вонзаются когти.

Я отшвырнула лук и пришпорила Грозу.

«Быстрее. Пожалуйста, скачи быстрее».

Гроза резко встала на дыбы, и я, слетев с ее спины, покатила по склону. Перед глазами пронесся зелено-коричневый вихрь. Я задела что-то острое и порезалась. Голову пронзила вспышка боли, когда я обо что-то сильно ударилась, и мир погрузился в темноту.

* * *

В голове роились тени.

Я плыла в лодке по черной воде под ночным небом. Руки чистые, волосы аккуратно заплетены и подвязаны желтой лентой. Я сидела на деревянной скамейке напротив брата и сестры.

– А когда мы будем дома? – я только и делала, что задавала вопросы. Окружающих всегда поражало терпение моего брата, спокойствие и серьезность, с которыми такой юный мальчик отвечал на вопросы младшей четырехлетней сестры.

– Когда пересечем море.

– А почему тут столько воды?

– Потому что сюда стекается десять тысяч рек.

– Это много! – я оглядела бескрайние просторы вокруг нас, но увидела лишь темноту, которую оттеняла одинокая луна.

– Прислушайся, – мой брат, мой орабони[18 - Орабони (кор. ????) – букв. старший брат, вежливое обращение девушки к родному или сводному брату.], наклонился над краем лодки. – Слышишь?

– Что слышу? – не поняла я.

– Сердцебиение моря.

Я вслушалась в шум волн, увидела, как плещется морская пена.

– Орабони, а что там, внизу?

– Черепахи, медузы, креветки. Много всяких существ.

– А они добрые?

– Да, добрые.

Я окунула пальцы в волны и спустя какое-то время смогла рассмотреть землю – такую близкую и вместе с тем такую далекую, освещенную луной и фонарями. Дом казался мне недостижимым краем, где живут волшебные существа. Но когда я повернулась к брату, чтобы рассказать ему об этом, его уже не было.

* * *

Меня разбудил легкий ветерок. Я открыла глаза и тут же заморгала, стряхивая с ресниц налипшую землю. Стояла ночь. Я лежала на спине, глядя в небо, а вокруг не было никого и ничего, кроме древних деревьев. Целых сотен деревьев. Я с трудом поднялась на ноги, и кости жалобно заныли. Голову пронзила острая, подобно ножу, боль. Пока она не утихнет, я решила осмотреться.

Справа, слева, спереди, сзади. Куда бы я ни глянула, вид везде был один и тот же: камни, ветки и шуршащая листва.

Надо было выбираться отсюда. Я, спотыкаясь, направилась к подножию горы. Низкие ветки и колючки цеплялись за юбку, а качающиеся на ветру тени деревьев тянули ко мне свои лапы. Я отчаянно карабкалась по склону и чувствовала себя крошечным ничтожным муравьишкой в мире гигантов.

Спуск привел меня к ледяной речке. Пришлось перебираться через огромные гранитные валуны, придерживая при этом юбку, чтобы не намочить. Тут я поскользнулась и, подняв вверх кучу ледяных брызг, приземлилась коленями и ладонями на скользкие камни. И пока я стояла на четвереньках, слишком ошеломленная, чтобы двигаться, вместе с холодом меня все больше и больше охватывало чувство беспомощности.

Неужели все, что я о себе думала, – что моя жизнь что-то да значит, – не более чем моя выдумка?

«Сейчас не время хандрить. Иди дальше, Соль». Это я умела.

Я сняла сандалии и принялась босыми ногами перепрыгивать с камня на камень, но слезы, обжигавшие мне щеки, застилали мой взор. Я прыгнула слишком далеко, нога соскользнула с края камня, и я снова упала вниз. Река вырвала сандалии у меня из рук.

– Нет! – закричала я, глядя, как черное течение уносит их все дальше и дальше. Эти сандалии сделала для меня сестра, и больше от нее у меня ничего не осталось.

«Иди дальше».

Когда я все-таки выбралась на берег, губы у меня уже посинели, а зубы стучали. Я снова углубилась в лес. Ветки и камни впивались в босые ступни, а сырость пробирала до самых костей. Нужно было развести костер. Я видела, как другие слуги высекают искры для костра из камней, однако сама так и не научилась. И все это время я не могла перестать думать о тигре. В бродящем меж деревьев ветре мне чудилось его дыхание, в хрусте земли под ногами – скрежет когтей, а русло реки гроыхало его рычанием.

Вся гора была тигром – и голодным.

Я шла дальше, даже не зная толком, куда иду. Прошла целая вечность, прежде чем я увидела свет впереди. Мерцание факелов. Я остановилась и пригнулась, наблюдая за движущимися сквозь деревья фигурами. Следом за ними вол тянул груженную ящиками повозку. Мужчин с факелами было пятеро, и все они были быстрыми, высокими, худощавыми, одетыми в неопрятные хлопковые одежды. Между ними на коне ехал господин в шелковых одеждах и высокой черной шляпе с бусами. Такая шляпа свидетельствовала о высоком положении.

У каждого мужчины было по дубинке и мечу. «Стражники, – подумала я... – Или же разбойники».

Я медленно поднялась, чтобы убежать, но в этот момент под моей ногой хрустнула ветка. Затаив дыхание, я увидела, как один из мужчин повернулся на звук, а потом быстро указал рукой в моем направлении. От группы внезапно отделилась тень человека, которого я до этого не замечала; он бросился ко мне, грубо схватил за руку, впился пальцами так, что чуть не сломал кость. Он подтащил меня к остальным. Ноги не слушались, и, когда меня отпустили, я тут же распласталась на земле перед всадником.

– Пощадите, господин!

Мужчина спрыгнул с коня. Я не смела поднять голову, так что видела лишь кожаные сапоги возле моей руки.

– Поднимись.

Что-то в этом голосе заставило меня поднять взгляд. Под светом звезд я увидела вытянутое лицо, волевой подбородок и высокие скулы. Лицо женщины.

– А теперь скажи, – произнесла она, – что ты здесь делаешь совсем одна?

Я потеряла дар речи. А что здесь делает она, одетая в мужскую одежду?

– На этой горе не стоит гулять в одиночку. Пойдем, мы проводим тебя до дороги.

Я последовала за ними. Среди людей я чувствовала себя в куда большей безопасности, чем одна, а тем более рядом с женщиной. Женщиной!

– Ты так удивленно на меня смотришь. – Должно быть, она заметила, как я пялюсь на ее маскировку. – Когда мне предстоит долгая дорога, я предпочитаю притворяться мужчиной. Так гораздо безопаснее, да и непрошеного внимания меньше.

Мои губы округлились в безмолвном «о».

Мы доехали до дороги. Впереди в темноте меня ждала столица.

– Куда ты направляешься? – женщина остановилась в ожидании моего ответа, пока ее слуги уводили вола в сторону от Ханяна.

Долго думать не пришлось: я тотчас представила, где хочу оказаться. Дома. В причудливой хижинке, где я жила после побега от первого хозяина и его охваченного чумой дома. В хижинке, где мы с сестрой и ее мужем впоследствии провели почти десять лет в качестве напкон ноби – крепостных, живших вдали от хозяев. Мы обладали относительной свободой, не считая того, что наш второй хозяин требовал с нас ежегодной выплаты дани, и большую часть дней я действительно была свободна. С какой любовью я вспоминаю эти яркие дни: голубое небо, чистый стрекот цикад... Я могла спокойно спать в тени старшей сестры, не боясь, что меня грубо разбудят. Иногда, когда зимой выпадал снег, сестра незаметно подтыкала мне соломенную циновку. А в Ханяне я чувствовала себя рабом, причем легко заменимым. Никому я была не нужна. Они просто бросили меня умирать на горе с тиграми.

– Ты в бегах, да?

Меня пробрал мороз.

– Нет, госпожа, я бы не посмела!

– Чуть ранее на горе мы проезжали мимо группы полицейских. Сейчас они наверняка уже уехали. Они сказали, что одна из их тамо пропала. Судя по твоей форме и отметке на лице, ты как раз она и есть.

Я дотронулась до шрама на щеке, и меня обожгло воспоминание о красном металле и шипении кожи.

– Иди. Беги отсюда, – продолжила женщина. – Не возвращайся против своей воли.

Я опешила.

– Почему вы меня отпускаете, госпожа?

– Потому что я не верю в крепостное рабство. Низшие классы были придуманы теми, кто хочет угнетать других.

Я чуть не споткнулась о собственную ногу. Я уже слышала что-то подобное. Но прежде чем я вспомнила где, вол громко закричал и повозка внезапно накренилась. Ящики посыпались на землю. Один из них открылся: наружу выпали рулоны шелка, а из них в темноту вывалились какие-то квадратные свертки. Книги?

Я бросилась было помочь их собрать, но женщина резко меня остановила:

– Стой, где стоишь.

Я замерла на месте. Слуги все собрали и сложили обратно в телегу.

– Просто выбоина, госпожа, – успокоил один из них. – Ничего не пострадало.

Однако я чувствовала, что взгляды мужчин прикованы ко мне, видела, как у них сжались кулаки и побелели костяшки, когда они двинулись в мою сторону. Женщина подняла ладонь, и слуги тут же попятились. Словно тигры от огня.

– Что ты видела? – спросила меня госпожа.

Несколько мгновений я колебалась в смятении. Я увидела обычные книги, которые лично мне ни о чем не говорили. Но я чувствовала, что в ее вопросе таится подвох.

– Я ничего не видела, – ответила я.

Женщина мягко кивнула в знак одобрения.

– Можешь отправляться своей дорогой.

Это какая-то ловушка? Я никак не могла понять, с чего бы аристократке проявлять такую доброту. Я тщательно продумала ответ:

– Я не могу бежать. Некуда.

– Но у тебя есть дом.

– Когда рабы сбегают, их родной дом проверяют в первую очередь. – А еще дом слишком далеко от могилы брата. Я должна была сдержать свое обещание. – Так что теперь у меня нет дома. Я не могу стать кем-то иным, не тем, кем меня породили.

– И кем же тебя породили?

– Служанкой. Я принадлежу полиции и должна вернуться обратно. Как и положено послушной слуге, – заверила я ее.

– Служанкой, значит... Посмотри-ка на свои запястья. Что-то я не вижу на них цепей.

– Но я заклеимена.

– Старые шрамы можно выжечь.

Сердце в моей груди забилося тяжелее и медленнее. Ее слова были опасны, мятежны – и в то же время так сладки.

– Выжечь?

– Наши судьбы не высечены на камне, дитя.

Она немного прошла со мной вдоль дороги, окруженной полями колышущейся на ветру травы. Совсем скоро она вернется обратно к своим слугам, а мне придется идти дальше одной.

– Например, раб Чан Ёнсилъ[19 - Чан Ёнсилъ (1390 – после 1442) – корейский ученый и изобретатель, родившийся наби, но служивший при королевском дворе.]. Он прекрасно это осознавал и при короле Седжоне[20 - Седжон (1397–1450) – четвертый король Чосона.] занял должность при дворе и стал прославленным изобретателем. Даже в древние времена многие рабы благодаря своей храбрости становились генералами. Как никто не рождается сразу со всеми почестями, так никто и не рождается рабом.

Да кто эта женщина такая? Она поправила одежды, и я разглядела у нее на шее ожерелье с бусинами и странным украшением в виде двух перекрещивающихся деревяшек. Кривой, непропорциональный крест.

Три

Я сидела на краю террасы в окружении знакомых высоких стен полицейского ведомства. Облака над моей головой заслоняли звезды и щепку луны, ночное небо было непроглядно черным, и лишь где-то на востоке эхом разносилось волнение одинокой птички.

Все горело от боли, но больше всего ныла голова, наполовину покрытая уже засохшей кровью. Хеён успокоила меня, что все будет в порядке, и ушла за сумкой с лекарствами, чтобы обработать и перевязать раны. Мне оставалось лишь прижимать к ране кусок ткани и ждать.

Но сейчас я даже при большом желании не могла бы двинуть и мышцей. На меня навалился вес последних часов – с той минуты, как я проснулась в лесу в полном одиночестве, а потом на босу ногу дошла до ведомства, встретив по пути загадочную женщину, – и пригвоздил меня к месту.

– Так, значит, она вернулась, – услышала я слова проходившего мимо полицейского. Глядя на меня, он замедлился. – А я думал, убежит, как в прошлый раз.

– Вы бы видели ее, когда она только пришла, – ответила старшая служанка, в руках которой дрожал поднос с чашками. – Волосы свисают на лицо, а платье – ох, платье! – мокрое до нитки и порвано, прямо как у попрошайки какой-то.

– Айгу[21 - Айгу (кор. ???) – междометие, передающее широкий спектр эмоций (чаще негативных) от удивления и восхищения до негодования.]. – Похоже, полицейского это все едва ли тронуло.

Я прижала кусок ткани и ладонь к ушам, пытаюсь заглушить голоса, однако это не помогло – я все еще их слышала, пусть и не так громко.

– Вы только посмотрите на нее, да она же наверняка в ярости! Бросили ее там умирать, а она...

– Тихо!

Я сразу поняла, что причина их внезапного молчания стоит буквально в нескольких шагах от меня. У меня заколотилось сердце: на краешек террасы сел инспектор Хан, пусть и не совсем рядом со мной: между нами запросто поместилось бы еще два человека. А потом он заговорил глубоким и тихим, как ночь, голосом:

– Мы тебя не бросали.

Я смотрела на его грязные кожаные сапоги, не в состоянии придумать, что бы сказать в ответ.

– Я послал людей на твои поиски и только-только их отозвал. Я бы ни за что не бросил ни своих полицейских, ни тамо.

Я почувствовала, как на груди слегка полегчало.

– Спасибо, господин, – робко поблагодарила я, глядя на его сапоги.

Между нами повисла тишина. Я подняла взгляд и увидела, что он повернулся ко мне. Впрочем, сказать наверняка, смотрит ли он на меня, я не могла: тень от полицейской шляпы полностью скрывала его глаза.

– У меня была младшая сестра, – неожиданно пробормотал он. – Твоя ровесница была бы, если бы не умерла.

Я молча поблагодарила мертвую девушку за то, что она напомнила своему брату о моем существовании. Иначе он бы наверняка бросил меня. Для большинства вельмож я была всего лишь служанкой, и заменить меня было проще простого.

– Я перед тобой в долгу, – вдруг сказал он.

Я удивленно моргнула.

– За что, господин?

– Без тебя я был бы уже мертв.

– Для меня большая честь служить вам, господин. Но приди я раньше, вас бы не ранили.

– Кровь была не моя, а моего коня.

Я вспомнила брыкающееся на земле животное, мотающее головой вверх-вниз.

– О...

– Подойди, – подозвал он меня.

Во мне разгорелось удивление. Инспектор Хан всегда держался поодаль как от полицейских, так и от тамо. Я подвинулась к нему и тут же задалась вопросом, чувствует ли он жар моей взволнованности.

– Протяни ладонь.

Я подняла руку, и он вложил в мою ладонь что-то тяжелое и холодное: украшение с кисточками, норигэ, как то, что было у госпожи О, – только другого цвета и формы. Это была вырезанная из янтаря черепаха на длинной кисточке из голубых шелковых нитей.

– Я хотел подарить его сестре на день рождения, но не успел. Доверяю его тебе до тех пор, пока не исполню данное тебе обещание.

– Обещание, господин?

– Скажи, что ты желаешь больше всего? – спросил он. – Обещаю, оно будет твоим.

Я все еще глядела на украшение, не веря своим глазам, и правда соскользнула с моих губ прежде, чем я смогла полностью осмыслить, что под ней может крыться:

– Дом.

Его взгляд скользнул к метке у меня на щеке, и я тут же попыталась забрать свои слова обратно:

– В смысле...

– Когда мы завершим расследование, я его тебе верну.

– Что, господин?

– Твой дом. Я отошлю тебя обратно.

Я замерла, а когда все-таки осознала его слова, мое сердце задрожало от потрясения. Меня отправят домой... В место, которое всем – знакомыми улыбками, запахами, распорядком дня, – абсолютно всем нашептывало мне: «Твое место тут».

Брат как-то говорил, что, если слишком долго и слишком сильно чего-то хотеть, в конце концов оно начинает казаться далекой, недостижимой мечтой. И для меня дом уже становился подобной мечтой. А инспектор Хан взял и своим обещанием поместил надежду прямо мне в руки.

Это ведь взаправду? Взаправду, да?

– Ты ведь не из придворных врачевательниц, которых сослали в полицию за плохие отметки, – заметил мужчина. – Так как же ты очутилась в ведомстве?

Мне не сразу удалось собрать в кучу мысли, разбежавшиеся в разных направлениях. Наконец я заговорила срывающимся голосом:

– Я была служанкой-ноби[22 - Ноби (кор. ??) – рабы, или крепостные, в эпоху династии Чосон.] и принадлежала господину Пэку. Других слуг связывают с их хозяевами контракты, однако я была собственностью господина Пэка. Когда он решил продать меня в ближайшее полицейское ведомство в Инчхоне, у меня не было никакого выбора. А потом... потом моя сестра подслушала разговор полицейского и командующего.

– Что она услышала? – поинтересовался инспектор.

– Полицейский сказал: «Может быть, вы сумеете вернуть расположение командора Ли, если пошлете им эту служанку. Она сильная, а полиции нужны сильные тамо». И после этого меня перевели в столицу, – я терзала нижнюю губу, гадая, действительно ли инспектор Хан может выполнить свое обещание. – Срок моей службы – одно поколение.

– Службу можно и сократить.

– Деньгами? Но у меня на это уйдет слишком много времени, господин.

– Свободу можно получить и благодаря выслуге перед государством. Обещаю: ты вернешься домой к новому году. А до тех пор береги это нorigэ.

– Конечно, господин, – прошептала я. Я ему верила. – Буду беречь ценой своей жизни!

Мы тихо сидели рядом друг с другом, глядя на небо над стенами полицейского ведомства. Облака уплыли, обнажая белый, как кость, осколок луны.

* * *

Всю ночь я лежала без сна, вслушиваясь в шум дождя. Мою душу переполняли чувства, а голову – мысли, не дающие думать ни о чем другом. Я столько раз проигрывала в памяти, как я подстрелила тигра, что воспоминание начало блекнуть – словно рисунок, который слишком часто складывали и разворачивали. Произошедшее на горе Инван было тяжело забыть. Вот инспектор Хан широко раскрывает глаза при виде меня, усматривает во мне что-то, чего не видел до этого никто иной: возвышающуюся императрицу, крепко держащую в руках лук. Может быть, он даже почувствовал ко мне признательность, восхитился мной? Может быть, именно поэтому он понял, что я заслуживаю большей доброты? Что я заслуживаю награды – возвращения домой?

Когда наступило утро, голова у меня кружилась от грохочущих в ней волн нервного возбуждения и истощения. Я не сразу осознала, что комнаты слуг бурлят от разговоров.

– Началось!

– Что началось?

– Командор Ли приказал выпороть служанку Сои за побег, а инспектор Хан ее теперь допрашивает. Пойдем же!

Мне тоже было интересно, почему служанка Сои сбежала и что ее так испугало. Я переоделась и перевязала грудь; по правилам пояс от юбки ханбока[23 - Ханбок (кор. ??) – национальный корейский традиционный костюм. Женский ханбок состоит из чогори (блузка, рубашка или жакет) и чхима (юбки), мужской – из чогори и штанов паджи.] должен был проходить над грудью. Затем я надела сверху длинный жилет квэджа и закрепила все поясом. Теперь, когда я выглядела прилично, можно было и отправиться в главный двор, на звуки голоса инспектора Хана.

Я обошла толпу зевак и нырнула в самую гущу, расталкивая всех локтями и пробиваясь вперед, где мне никто не будет мешать. Инспектор Хан вышагивал перед служанкой Сои, привязанной к стулу.

Под глазами у нее залегли темные тени, а губы были искусаны в кровь. При взгляде на девушку я вдруг осознала, что забыла нечто важное. А потом вспомнила.

«Я не верю в крепостное рабство».

Интересно, не случайно ли хозяйка служанки Сои и та загадочная женщина разделяли одинаковые мятежные мысли? И еще один вопрос, куда более насущный: с чего бы служанке Сои убивать госпожу, если та предлагала ей в дар равенство?

Властный голос инспектора Хана прервал мои размышления.

– Знаешь ли ты, почему здесь оказалась?

– Потому что я личная служанка госпожи О, господин.

– Личных служанок у нее было много, но лишь одна из них нам нагло соврала, – выдержав паузу, инспектор сложил руки на груди и шагнул к девушке. – Ты сообщила тамо, что, прежде чем поднять тревогу, ты рано проснулась и пошла проверить, как спится твоей хозяйке. Но ты уже знала, что она исчезла, не так ли? У нас есть свидетель, который видел, как ты покидаешь поместье вскоре после исчезновения госпожи О.

– Я... меня попросили приглядеть за ней.

– Кто попросил?

– Мать госпожи О.

– Почему?

– Это неприлично...

– Мы тут убийство расследуем, служанка Сои. Не надо от меня ничего утаивать.

Ее глаза метнулись в мою сторону, как будто она почувствовала мое присутствие.

– Как я уже сказала там, у моей госпожи был любовник. Когда я увидела, как она ночью украдкой покидает поместье, я последовала за ней, господин. Она часто говорила о горе Нам[24 - Гора Нам, Намсан (кор. ??, букв. «южная гора») – 262-метровая гора в центре Сеула. Сейчас на ней располагается Сеульская телебашня, или башня N.], и я решила, что она пойдет туда.

– Рассказывай, что ты видела.

– Я шла по улице. Комендантский час уже наступил, так что все спали. К горе Нам я пошла в обход, чтобы осмотреть как можно больше улиц... – девушка умолкла. Даже сейчас, будучи привязанной к стулу, она умудрилась сесть прямо. А когда она подняла голову, в ее глазах засветилась внезапная ясность. – Я вспомнила. Я кое-кого видела.

Толпа замерла. Не было больше слышно шепота и размышлений, а тишину пререзали лишь звуки веера, которым обмахивался молодой вельможа, стоявший со своим слугой в первых рядах. Мужчина был одет в сверкающий на солнечном свете фиолетовый верхний халат; у него были блестящие угольно-черные глаза, изогнутые брови и не сходящая с губ ухмылка. Казалось, снисходительность была высечена у него на лице.

– Как выглядел этот человек? – продолжил инспектор Хан. – Отвечай без утайки.

– Он был на коне. В синем верхнем халате. Было в нем что-то подозрительное: кто будет бродить в комендантский час? Но было слишком темно, так что лица я не разглядела, а подойти не успела – он быстро уехал.

Зеваки дружно вдохнули и нахмурились – все, кроме молодого вельможи. Тот как ни в чем не бывало обмахивался веером, только уголки его губ приподнялись еще выше.

– Когда ты видела этого человека?

– Незадолго до рассвета, – ответила Сои.

– Почему ты так долго бродила по улицам после полуночи?

– Я искала госпожу, а когда не нашла, вернулась в поместье. Но потом я вспомнила, что госпожа Ким приказала мне следить за ее дочерью. И я так испугалась ее гнева, что решила поискать хозяйку еще раз. Хотела даже гору Нам обойти.

Инспектор Хан поднял бровь.

– Ты ведь могла нам это рассказать. Тем не менее ты предпочла сбежать. А сбегает только дети или преступники.

– Я слышала, что меня кто-то видел, и испугалась. – Волосы девушки, до этого уложенные в аккуратную косу, растрепались и теперь висели черными прядями, сквозь которые Сои глядела на инспектора. – Мою мать казнили за преступление, которого она не совершала. Я боялась, что со мной случится то же самое.

– Вот, значит, как. И ты была в хороших отношениях с хозяйкой, верно?

– Я... – буквально на мгновение она запнулась. – Да, была.

– Тогда были ли у госпожи О какие-нибудь особые причины упоминать тебя в своем дневнике? Почему она на тебя злилась?

Моя рука взметнулась к горлу. Дневник? Но полиция не находила никакого дневника. Инспектор блефовал, а служанка Сои ему, похоже, поверила. Она широко раскрыла глаза, и ее зрачки показались мне еще чернее, чем раньше.

– Она... она писала обо мне?

– Писала. Только вот о чем?

– Я... не знаю.

Время как будто замедлилось. Я вцепилась в воротник. Я одновременно хотела узнать правду и боялась ее. Неужели я настолько ошиблась в человеке, что, глядя ему прямо в глаза, не распознала убийцу?

– Дела твои плохи, – прошептал инспектор, – но ты можешь все исправить, если не будешь врать. А то, когда правду открою я, твоим словам уже никто не поверит. Пока не поздно – возьми дело в свои руки. Подумай, о чем я тебе говорил.

Сои огляделась по сторонам. Взгляд ее блестящих лихорадочных глаз остановился на мне.

– Клянусь, я бы ей никогда не навредила.

* * *

Взгляд Сои стоял у меня перед глазами, пока тамо развязывали ей руки и ноги и уводили обратно в тюремные помещения. Меня переполняли чувства жалости и почти что вины при виде ее пут. Я скоро вернусь домой, а она, может быть, никогда больше не покинет это место.

Допрос завершился, зеваки начали расходиться, и на многих лицах читались осуждение и сожаление. Мне приказали стереть кровь со стула для допроса. Кровь Сои. Я принялась за задание и только тогда заметила, что юный вельможа все еще не ушел.

Наши взгляды встретились.

Он выглядел не сильно старше меня. Лет на девятнадцать, может быть. Он был красив, но красота его была какая-то слишком идеальная, даже враждебная. Как морозная зимняя ночь: залитый лунным светом снег, острые, как когти, сверкающие сосульки и пробирающее до костей безмолвие.

У меня перехватило дыхание; я склонила голову и принялась ожесточенно оттирать брызги крови. Я продолжала тереть, даже когда от красного не осталось и следа. Все мое внимание было приковано к приближающимся шагам. К тени, нависшей над моей головой.

С трудом сглотнув, я подняла глаза. У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло, когда я увидела возвышающегося надо мной юного вельможу.

– Ты тамо Соль?

Я мигом вскочила, сложила руки перед собой и поклонилась.

– Нэ.

– Я слышал, ты помогаешь с расследованием дела госпожи О.

– Все верно, господин.

– Ты наверняка видела ее труп, – его взгляд сверху вниз был полон слащавости, а левая щека дернулась. – Как она выглядела?

Я удивленно моргнула, застигнутая его вопросом врасплох.

– Правдивы ли слухи? – настаивал он. – Говорят, она была сущей красавицей.

– Я... я не знаю, господин.

Он поднял бровь.

– Это не такой уж и сложный вопрос, девочка.

Его слова подняли на поверхность омуты моей памяти образ мертвой женщины. Сначала показалось ее посиневшее лицо, затем широко раскрытые глаза, фиолетовый синяк на разинутом рте, темная дыра на месте носа. Смерть лишила госпожу О любой, даже малейшей капли красоты. И я не могла представить, какой она когда-то была, ведь я могла думать только об одном: что она была искромсана, зарезана, убита.

– Господин, – прошептала я, – я не могу представить, как она выглядела до... того, как ее убили.

Не успел он спросить еще что-нибудь, как к нам подошел старший полицейский Сим, и я еле удержалась от облегченного вздоха.

– Ну наконец-то! – пронзил воздух голос юного аристократа. – А я как раз хотел поговорить с тобой, полицейский Сим!

Полицейский Сим был куда старше меня и выглядел точь-в-точь как бродячий пес, которому каждый день приходится драться за последний кусок. Высокий, сухопарый на вид, лицо истощенное. Однако он был на удивление силен, да и жизнь повидал основательно – даже больше, чем инспектор Хан. Я сделала шаг назад и спряталась у него за спиной.

– Молодой господин Чхои Джинёп. – Я уловила в голосе полицейского Сима беспокойство. – Почему вы все еще здесь?

– Выглядишь так, будто несколько дней не спал, – юноша захлопнул веер и убрал руки за спину. – Я слышал, что, когда происходит убийство, полицейские по несколько недель могут домой не возвращаться – так поглощены расследованием.

Полицейский Сим все так же безмолвствовал в ожидании ответа.

Юноша хрипло рассмеялся.

– А ты, как и всегда, не склонен к разговорам. Что ж, хорошо. Я пришел выяснить, правдивы ли слухи о ее любовных связях.

– Я не имею права разглашать информацию.

– Приказ инспектора Хана, полагаю? Ты каждому его слову подчиняешься. Если слухи верны, то, пожалуй, госпожа О заслуживала такой участи. Раз женщина не в состоянии сохранить честь... то пусть лучше умрет, чем опорочит семью.

– Вашему отцу должно быть стыдно за вас.

Слова полицейского Сима меня поразили, но еще больше я удивилась спокойствию, с которым молодой господин их воспринял. В его глазах блеснула веселая искорка.

– Какая ирония, что подобной ремаркой меня пытается упрекнуть соджа – незаконнорожденное отродье, которого бросил собственный отец.

На скулах Сима заиграли желваки.

– Заслуживала жертва смерти или нет, решать не нам. Мужчина или женщина, аристократ или раб – никого нельзя убивать без дозволения правителя.

Молодой господин перевел взгляд куда-то за спину Сима, и, посмотрев следом, я увидела инспектора Хана. Увы, тот был слишком занят и не обращал на нас внимания.

– А вот и твой хозяин, полицейский Сим. – Одним выверенным движением юноша раскрыл веер и вновь принялся обмахивать ухоженное лицо, а потом, улыбаясь, едва слышно произнес: – Только псы и лошади мечтают о хозяине.

Молодой господин развернулся и зашагал прочь длинными размеренными шагами, а его слуга, спотыкаясь, поспешил за ним. Когда они скрылись из виду, я тихо обратилась к полицейскому Симу:

– Он спрашивал меня, была ли красива госпожа О, но я ему ничего не сказала, господин.

– Хорошо.

Я немного подождала, но он не продолжил, и тогда любопытство взяло надо мной верх.

– Кто он такой?

– Сын третьего государственного советника[25 - Верховный государственный совет (Ыйджонбу, кор. ???) был высшим совещательным органом, в составе которого было три человека: главный (первый) государственный советник (Ёныйджон, кор. ???), левый (второй) государственный советник (Чваыйджон, кор. ???) и правый (третий) государственный советник (Уыйджон, кор. ???).] Чхой. Развратник и пьяница, как я слышал.

– Прошу прощения, господин, а почему он так интересуется госпожой О?

Полицейский Сим взглянул на меня, и я тут же, чтобы не встретиться с ним глазами, перевела взгляд ниже, на плетеный шрам у него на шее. Люди шептались, что полицейский пытался повеситься, однако в основном считали, что его пытался задушить преступник.

– Инспектор Хан рассказывал, что у тебя любопытство сороки. Теперь я понимаю, о чем он говорил, – тепло ответил мне мужчина. – Молодой господин в детстве был обручен с госпожой О. Они никогда друг друга не видели. Наверное, поэтому.

– Наверняка он был в ярости, когда узнал о ее любовнике.

– Безусловно. Его семья разорвала помолвку два месяца назад, когда об этом только пошли слухи.

Я прекрасно знала таких людей, как молодой господин или как, например, Кён. Эти мужчины были очень высокого мнения о себе и редко испытывали унижение; а когда все-таки доводилось, они, горя жаждой мести, доставали мечи. Они не могли допустить, чтобы на них пала даже тень клеветы.

– Инспектор Хан сегодня уже с ним говорил, – добавил полицейский Сим. – Судя по всему, в момент убийства он находился в Доме ярких цветов, и пять человек могут поручиться, что Дом он в ту ночь не покидал. Все они сыновья государственных чиновников.

Я осознала, что провести расследование не получится.

– Богатство и власть делают человека неуязвимым, господин.

– Ты росла среди слуг и поэтому, конечно, принимаешь знать за богов, – по-доброму, словно старший брат, сказал мне полицейский Сим. – Но помимо всего прочего богатство и власть также заставляют человека в его высокомерии допускать ошибки. Так говорит инспектор Хан. И если молодой господин действительно замешан, мы найдем неосторожно оставленную улику, Соль.

* * *

Днем я с подносом с миской воды и тканью отправилась к маленькой двери в тюремный блок. Моей обязанностью было поддерживать жизнь в избитых заключенных, хотя нередко командор Ли приказывал не приближаться к свидетелям, чтобы страх скорой смерти заставил их во всем сознаться.

– Ты к кому? – спросил меня один из двух стражников у входа.

– К служанке Сои.

– За мной, – он открыл ворота и исчез внутри.

Я крепко вцепилась в поднос обеими руками, чтобы не уронить его в продуваемой всеми ветрами темноте. Из миски то и дело разливалась вода. Спустя некоторое время глаза привыкли, и я увидела перед собой узкий проход. Пол был усеян засохшей грязью, местами уже превратившейся в пыль. С обеих сторон тянулись бревенчатые камеры с вертикально прибитыми досками, которые не давали узникам сбежать, и крошечными решетчатыми окнами, из которых виднелся краешек неба.

Наконец стражник остановился. Он достал ключи, и в следующую минуту дверь в камеру со скрипом открылась.

– Позови, когда закончишь.

И он запер меня внутри.

Сои была так слаба, что даже не обратила внимания на мое появление. Она сидела, прислонившись спиной к стене и вытянув перед собой ноги. Окровавленные руки безжизненно лежали вдоль тела ладонями вверх. Ее, как и меня когда-то, наказали за попытку бегства – правда, ее раны, в отличие от моих, были не навсегда. Сои не стали ставить клеймо на щеку: ее высекли палкой, однако били со всей силы, как топором.

– Я пришла промыть твои раны.

Я склонилась перед девушкой и медленно приподняла ее юбку. Должно быть, кровь присохла к ткани, потому что губы Сои приоткрылись в стоне боли, словно я снимала с нее кожу. Мне удалось подтянуть ее подол к поясу. Под разорванным нижним бельем я обнаружила рассеченную кожу, от одного вида которой меня затошнило.

– Может быть совсем чуть-чуть больно.

Намочив кусок ткани, я протерла им раны, и в то же мгновение девушка стала бледной как смерть. На висках у нее выступили капли пота; закусив губу, она подавила крик.

– Терпи, – попросила я и прижала ее дрожащую ногу к полу, чтобы очистить рваную кожу по краям раны. Если этого не сделать, в здешней влажности рана загниет и пахнуть будет на всю тюрьму. – Терпи и живи.

– Живи, – прошептала она слабым голосом; казалось, боль ее была невыносима. – Уверена, я здесь умру.

– Ты не можешь знать, что случится в будущем.

– Будущее... Тут даже шаманом быть не надо, чтобы его знать.

Я продолжала прижимать к ногам девушки тряпку. Очень быстро мои пальцы стали красными.

– Мама рассказывала, что даже собаки чувствуют себя неуютно перед надвигающейся бурей. Они ощущают, как вдали грохочет гром, и я теперь тоже это чувствую. – Ее глаза точно остекленели, а брови сдвинулись к переносице. – Дрожь земли.

Мне хотелось хоть как-то помочь ей воспрянуть духом. Но я прекрасно знала, что, если она действительно совершила убийство, она заслуживает наказания. И неважно, насколько глубоко я ей сочувствую.

– Кто знает, – ответила я. – Может быть, буря минет.

Сои покачала головой. А потом сделала то, чего не посмела сделать в разговоре с инспектором Ханом: открылась мне, легко, как моллюск в горячей воде.

– Почему мне приходится быть мной? Почему я родилась не в знатной семье? – спросила Сои, и эмоции наполнили ее голос красками. – Но я всего лишь одна из десятка тысяч слуг. И что хуже всего... даже если полиция убьет меня, ничего не изменится.

Я не знала, чем рассеять ее страх, поэтому молча окунула ткань в воду и выжала кровь. В миске закружилась красная дымка.

– А может быть, я и убила ее.

Моя рука с тряпкой замерла на полпути. На юбку упало несколько капель красной воды.

– Госпожа говорила, что ненависть ничем не лучше убийства. А я презирала ее.

Я в последний раз выжала ткань и отложила ее на поднос.

– Она называла меня сестрой, своей ровней. Я думала, она поймет, как сильно я хочу быть свободной. – Печальный голос Сои пробрала дрожь. – Она говорила, что хочет видеть меня рядом, потому что я ей дорога. Чтобы я была ровней ей? Да я рыдала каждую ночь после того, как одевала ее и расчесывала ей волосы. Мне было обидно, если она мне отказывала, и страшно, когда она ругала меня за то, что я желала стать хозяйкой собственной жизни.

– Поэтому твоя хозяйка писала о тебе? – Я решила подыграть блефу инспектора о найденном дневнике госпожи О. – Поэтому ты с ней поссорилась?

– Я просила ее освободить меня от статуса ноби. – Признание Сои легко соскользнуло с ее губ; она не задумывалась о том, что каждое ее слово крепко-накрепко оседает у меня в голове. – Я и раньше просила, но в этот раз решила стоять на своем. Я хотела вернуть свой контракт ноби, завершить наши отношения хозяйки и служанки. Но она не хотела мне его отдавать.

– А с чего бы ей отдавать тебе контракт?

– Она обещала вернуть его, когда мне исполнится восемнадцать.

Вопрос, который уже давно зудел где-то в уголке моего сознания, наконец вырвался на поверхность:

– Ты говорила, что госпожа О не верит в крепостное рабство. В столице такая точка зрения – обычное дело, да?

– Обычное? Ничего подобного.

– И какие люди в подобное верят?

Взгляд темных глаз Сои остановился на мне, словно она меня в чем-то подозревала.

– Ты родилась в семье низкого происхождения, и все же знатная женщина не считала твое положение естественным, – объяснила я. – И я не понимаю почему. – Я приложила к ранам Сои новую полоску ткани. – Пожалуйста, расскажи.

– Госпожа О была католической мятежницей. Уже два года как обратилась. Она сказала матери, что ставит учение превыше кровных связей.

– Католической? – Это учение, тайно пришедшее к нам с запада, было запрещено и каралось смертью. – И ты не сообщила полиции?

– С убийством это никак не связано. Поклянись никому об этом не говорить, а то хозяйка Ким продаст меня, как псину, как только следствие закончится. Я уверена: госпожу О убил ее любовник. И искать вам нужно именно его, – она опустила юбку. – Сколько у тебя вопросов!

– Мне любопытно...

– Нет, это не просто любопытство.

От ее слов меня пробрал мороз, и лишь через несколько мгновений до меня дошло, что она права.

– Правда, не более чем любопытство, – повторила я, поднимаясь на ноги и медленно стряхивая солому. Мои мысли уже унеслись прочь, и скоро передо мной предстал омут моего прошлого. Омут, в который я страшилась окунаться, потому что боялась увидеть нечто ужасное.

Четыре

– Эй!

Я только-только вышла из полицейского ведомства после обеда и собиралась идти за покупками по приказу старшей служанки. Именно в этот момент передо мной предстала ясноглазая девчушка с маленьким лицом и совсем крошечными губами. Платье на ней было очень изящное, правда, в приглушенных цветах, не такое красочное, как у знатных женщин. Скорее всего, она состояла на службе в богатом доме. Я огляделась, но никого вокруг больше не увидела и тогда указала себе на грудь. Я?

– Ты, ты. Моя хозяйка велела привести тебя.

Я выдвинула вперед рыночную корзинку, чтобы она оказалась между нами.

– Откуда ты знаешь, кто я?

Девушка указала себе на щеку – на то место, где у меня была выжжена метка.

– Тебя невозможно не узнать.

– А хозяйка твоя кто?

Она ответила высоким радостным голосом:

– Хозяйка сказала, что ты сопровождала ее в пути с горы Инван к воротам крепости.

Я чуть не уронила корзину. Это же та загадочная аристократка! Зачем я ей нужна? Я вспомнила рассыпавшиеся книги и взвинченных мужчин. Было бы разумнее развернуться и уйти, но не успела я об этом только подумать, как уже вовсю шагала за служанкой.

– Меня зовут Урим, – она запнулась, взглянув на меня через плечо. – А тебе можно просто взять и уйти? Я могу подождать снаружи, если надо доложить старшим.

– Полицейское ведомство – не тюрьма, – ответила я. – По крайней мере, пока я выполняю свои обязанности.

– Наверное, да. Я не раз видела, как тамо ходят туда-сюда из полиции, когда им заблагорассудится. Я тоже могу бродить сама по себе, изучать столицу. Мне хозяйка разрешила.

В моей голове всплыл образ женщины в мужской одежде, с повозкой потаенных книг.

– А какая она, твоя хозяйка? – любопытствовала я.

– Великодушная, – заявила девушка. – Якорной цепью можно измерить глубину четырех морей, однако глубину доброты моей госпожи не измерить ничем!

У нее был талант к языку, а говорила она словами, нетипичными для обычной служанки. У меня и самой речь была полна витиеватых слов, но я их украла у старшей сестры. А у кого украла слова Урим?

– Ты умеешь читать? – задала я очередной вопрос.

– Омо[26 - Омо (кор. ??) – междометие, передающее восхищение и другие позитивные эмоции.], как ты догадалась?

– Полагаю, тебя хозяйка научила.

И без того круглые глаза Урим стали еще больше, а изящные губы расплылись в улыбке.

– И не только меня.

На сей раз я уже даже не удивилась, хотя вся эта философия и казалась мне опасной. Чтобы бросить вызов существованию слуг, не придумать лучшего способа, чем научить их читать и писать. Снабдить их теми же знаниями и силой, которыми обладают их хозяева и хозяйки.

Поток моих мыслей прервал вопль какого-то слуги:

– Разойдитесь, пропустите советника Чхой!

Мы с Урим тут же упали на колени и вжались лбами в грязь, а слуга продолжал кричать:

– Пропустите третьего государственного советника!

Я аккуратно повернула голову – совсем чуть-чуть, чтобы можно было подглядеть. На дороге я увидела четырех носильщиков с паланкином, внутри которого сидел мужчина средних лет с короткой черной бородкой, лоб его был изрезан морщинами – результаты многолетних раздоров. Несмотря на измученный внешний вид, мужчина был красив: нос с горбинкой, квадратный подбородок и умные глаза. Он сидел прямо, по-королевски, широко расправив плечи и распрямив руки.

Советник Чхой, отец молодого господина Чхой Джинёпа. Казалось, не найти двух более похожих людей – и в то же время таких разных.

Паланкин опустили перед входом в полицию. В этот момент кто-то потянул меня за воротник. Я подняла глаза и увидела, что Урим уже встала. Как и все остальные. Я подскочила и отряхнула юбку и руки от пыли. Появление советника Чхой напомнило мне о вопросах, давно уже плававших в моей голове подобно паутинкам – о разорванной помолвке между сыном советника и госпожой О, о ее католическом прошлом, о последнем письме, которое она получила перед смертью. Может ли это все быть как-то связано?

– Ты хорошо знаешь аристократов Ханяна? – подала я голос.

Урим оглядела улицу. Ее взгляд остановился на большой лавке, где торговали китайским шелком. Рулоны ткани блестели, как ракушки, под открытым небом.

– Посмотри туда.

Урим указала на знатную женщину, чье лицо было скрыто от чужих глаз полупрозрачной вуалью, свисающей с ее головного убора. Женщина разглядывала ткани и интересовалась ценой у торговца.

– Это госпожа Ри. – Кивком головы Урим подозвала меня к себе. – Пустая женщина, говорит только о моде и мужчинах, – девушка хвастливо улыбнулась. – Я знаю практически всех знатных женщин Ханяна.

– Тогда ты и госпожу О знала?

– Конечно. Они с моей госпожой несколько раз чай вместе пили. Мне она показалась очень милой и веселой.

– Но до тебя наверняка доходили слухи, что у нее был любовник, – продолжала я. – Ты когда-нибудь видела госпожу О с каким-нибудь мужчиной?

– Помимо ее отца и младшего брата? Нет. Она была не замужем, а незамужним дамам не следует свободно расхаживать по улицам. Тебе следовало бы об этом знать. А когда госпожа О все-таки выходила, она всегда сидела в закрытом паланкине.

– Она могла и тайком выбраться из дома.

Как она сделала в ту ночь, когда ее убили.

Урим покачала головой:

– Не верю, что она была способна так опорочить семью.

Я как будто ходила кругами: все эти разговоры ни к чему не приводили. А что бы сказал инспектор Хан, чтобы добиться своего?

– Советник Чхой и его сын общались с семейством О, верно?

– О да, – ответила Урим. – Молодой господин был помолвлен с госпожой О. Не то чтобы это какая-то тайна.

– А если бы такая тайна была, – медленно произнесла я, – ты бы наверняка о ней знала.

Она улыбнулась – совсем быстро, незаметно.

– Может, и так.

– А если ты все-таки не знала?

Девушка молча поразмыслила, а потом указала в глубь улицы, ведущей к горе Инван.

– Иди в том направлении, пока не увидишь гостиницу с красным фонарем. Хозяйка гостиницы когда-то была кисэн[27 - Кисэн (кор. ??) – в Корее артистки развлекательного жанра; куртизанки, развлекавшие высокопоставленных мужчин на званых вечерах танцами, пением, поэзией, разговорами.], и советник Чхой ей очень благоволил. Много лет назад весь Ханян только и говорил что об их любви. Хозяйку зовут госпожой Сон, ее считают кладезем информации.

Я уже видела эту гостиницу раньше, в тот день, когда сбежала из ведомства. Оказавшийся в Ханяне знакомый поведал мне, что старшая сестра лежит практически при смерти, и передал мне ее слова: «Я не могу уйти с миром, не увидев моего брата Инхо». И я, отчаянно пытаюсь успокоить сестру, сбежала и целый день бродила от одной лавки к другой, показывая людям портрет брата. Только к концу дня я наконец сообразила, что в гостинице могут знать все дороги и города... и где на пути из Инчхона хоронят мертвых.

И сейчас груз так и не найденной могилы брата обвивал мою шею тугой веревкой. Старшая сестра, к счастью, выздоровела, и мое обещание все еще было в силе. А свернутый портрет, таившийся у меня за пазухой, казался непомерно тяжелым. Я аккуратно достала его и, развернув, показала Урим.

– Ты говорила, что много кого знаешь, – проговорила я. – А этого человека ты когда-нибудь видела?

Урим поджала губы:

– Рисунок уже так выцвел, что лицо еле рассмотришь. А другого портрета у тебя нет?

– Нет, кроме этого, ничего нет.

Я посмотрела на рисунок и засомневалась: вряд ли брат сейчас выглядит так же, как десять лет назад – мальчишкой с пока еще по-детски пухлым лицом. Лицом круглым, как сверкающая луна, обрамленным с обеих сторон длинными волосами, завязанными сзади в свободный хвост, и с опухшими глазами, полными юношеской невинности.

– Совсем никого не напоминает?

Урим покачала головой.

– Некоторых не знаю даже я.

Я примолкла. Один взгляд на портрет брата всегда вызывал во мне бурю отголосков, как будто кто-то незнакомый звал меня с вершины горы. Я скучала по историям брата о доме нашего детства, который я уже совсем не помню, доме, наполненном пылом ласковых слов и нежными объятиями. Эти истории исчезли из моей жизни, оставив внутри меня пустоту. Я чувствовала себя заблудшим духом.

– Так что... – голос Урим заполнил повисшую между нами тишину. – Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Мне столько же! – она улыбнулась. – Раз уж мы ровесницы, давай понизим слова?

Она предлагала перейти на панмаль[28 - Панмаль (кор. ??) – неформальная разговорная речь.] – «полуслова», просторечный стиль.

– Если хочешь, – ответила я.

Ее улыбка дрогнула.

– Соль-а[29 - Суффиксы – а/-я (кор. – ? / – ?) в конце имени используются в неформальном общении в качестве уменьшительно-ласкательных.], а у тебя когда-нибудь было такое, что вся кожа покрывается мурашками, как цыплячья, потому что ты чувствуешь на себе чей-то взгляд?

– Ын[30 - Ын (кор. ?) – просторечное «да» по-корейски.], знакомо.

– Я иногда чувствую, будто за мной следят. Нет, даже не иногда – все время, когда я выхожу за пределы поместья.

– Но кто за тобой следит?

– Не знаю, но я чувствую. – Беспокойство упорхнуло с ее лица, как пугливая птица, а губы растянулись в улыбке. – А может, это призрак?

Мы подошли к внушительному поместью в дальнем конце Северного округа, и разговор смолк. Я прошла за девушкой через двор, поднялась по каменным ступеням, сняла сандалии, и вспыхнувшая во мне искра беспокойства за Урим потухла.

Остановившись прямо перед бумажными дверьми, Урим проговорила:

– Госпожа Кан, к вам пришла тамо.

Из-за дверей ответил плавный и мягкий голос:

– Пусть заходит.

Я вошла в гостевой зал и из-под опущенных ресниц оглядела просторное помещение. Сквозь полупрозрачную бумагу деревянных раздвижных дверей, ведущих на улицу и в другие комнаты, пробивался серо-голубой свет. Я сделала еще несколько шагов, но прежде, чем увидеть госпожу, почувствовала ее запах – теплый сладкий аромат бутонов гвоздики. Запах знати. Я пока не смела поднять глаз, но, пав ниц, почувствовала на себе ее взгляд.

– Госпожа Кан, – поздоровалась я, – я почтена вашим...

– Подними голову. Я тебя не слышу.

Я приподняла глаза и увидела низенький лакированный столик, инкрустированный драконами. А за столом – широкую юбку из темно-красного шелка.

– Давай поговорим лицом к лицу.

Я поднялась с пола – сначала распрямила плечи и спину, затем положила руки на колени. И наконец увидела ее. Сегодня она выглядела совсем иначе. Ее густые блестящие черные волосы были заплетены в аккуратно скрученную на затылке косу и украшены шпильками и украшениями.

– Ты, должно быть, гадаешь, зачем я приказала тебя позвать, – начала она.

– Да, госпожа.

Женщина облокотилась на стол и посмотрела мне прямо в глаза. «Невежливо смотреть на тех, кто выше по статусу», – зазвучал у меня в ухе шепот сестры. Я отвела глаза, но ее взгляд словно притягивал мое внимание. Я аж вспотела от охватившей меня тревоги.

– Я бы хотела знать, сообщила ли ты своему инспектору о тех книгах.

Книги, всего-навсего книги.

– Нет, не сообщила.

Она так пристально изучала мое лицо, что мне захотелось взглянуть в зеркало, посмотреть, не написаны ли на нем мои мысли. Наконец женщина кивнула.

– Я тебе верю. Как тебя зовут, напомни?

– Мое имя Соль.

– Ты не поинтересовалась, Соль, почему эти книги были спрятаны. Разве тебе не любопытно?

– Любопытно, госпожа, – не отрывая взгляда от женщины, я вытерла взмокшие ладони о юбку. – Но спрашивать было бы непристойно, и...

– Это все были копии одной-единственной книги, которая превращает горький, невыносимый вкус жизненной боли в сладкое дивное удовольствие.

Она говорила загадками. Правда, те же загадки я слышала и от служанки Сои. Так вот почему католички учат служанок грамоте: чтобы они могли сами читать и понимать запрещенные книги.

– Превратить боль во что-то сладкое... – повторила я. – Но разве это возможно, госпожа?

Она задумалась, затем открыла ящик и достала из него длинную узкую трубку из чистого серебра.

– Подойди. Помоги мне зажечь.

Придвинувшись к женщине, я забрала у нее табак, отточенными движениями вложила его внутрь крошечной чаши и с помощью трутницы подожгла.

– Ты когда-нибудь во что-нибудь верила?

– Да, госпожа, верила, – тихо проговорила я.

– Например?

– Я верю... верю, что моя семья ждет меня.

– Тогда скажи, была ли у тебя когда-нибудь вера?

Я притихла, не в силах уловить разницу между этими двумя словами, и тогда она объяснила:

– Когда мы во что-то верим, мы держимся за то, что считаем правдой. Когда у нас есть вера, правда поддерживает нас.

– А, – прошептала я, хотя понятнее не стало.

– Я уверена, Соль, что меня неистово любит наш небесный Отец и что моя жизнь в его надежных руках. И пусть меня окружают боль и горе, моя вера поддерживает меня и дает сил. От этой мысли мое бремя сразу кажется легче.

Вера. Кем бы ни был этот небесный отец, госпожа Кан верила в него всей душой, и ничто в мире не могло поколебать ее убеждения. Я притронулась к жилету в том месте, где под слоями одежды к поясу было привязано нorigэ. Я чувствовала то же самое по отношению к инспектору Хану.

Возможно, именно белые клубы табачного дыма с запахом теплого дерева и землистыми нотками напомнили мне о моем текущем задании и придали смелости, а воспоминание об инспекторе Хане заставило меня выпалить:

– Госпожа, позвольте еще один вопрос?

Женщина жестом позволила мне говорить.

– Прошу прощения, но вы не слышали о смерти госпожи О?

– Слышала, – она выдохнула дым. – Я не была с ней близко знакома, но знала, что она была доброй и достойной женщиной, что умерла не за свои грехи.

Я осторожно обдумала следующие слова, боясь, как бы не обидеть госпожу предположениями. Потом заставила себя снова вспомнить инспектора Хана, храбро противостоящего тигру.

– Ходят слухи, что у жертвы был любовник.

Госпожа Кан молчала. Лишь спустя некоторое время она проговорила:

– Это, как ты и сказала, всего лишь слухи.

– Но ее осмотрели и оказалось, что она не... не девственница. Так что у нее должен был быть любовник, пусть даже никто о нем не знал.

– Почему ты спрашиваешь об этом меня?

Я посмотрела на нее.

«Потому что вы католичка, как и она. Такая же католичка, как и убитые слуги и крестьяне».

– Урим говорила, что вы в курсе всего, что происходит в Ханяне, – я соврала, но у меня было ощущение, что я недалеко от правды. – Поэтому я и решила спросить вас, госпожа. Прошу прощения за прямолинейность.

Госпожа Кан опустила трубку и вздохнула.

– Может, у госпожи О и был любовник, но она была женщиной кроткой. Вряд ли хоть один мужчина ненавидел ее столь сильно, чтобы посметь причинить ей вред.

Но что, если причина подобной жестокости кроется в католицизме? Я не представляла, как можно подвести госпожу к этому вопросу. Я могла только рыть и рыть.

– Последний вопрос, госпожа. В ту неделю, когда нашли госпожу О, умерло множество католиков низкого происхождения.

Лицо госпожи Кан омрачила тень, и мою грудную клетку сковал холод. Я переступила черту: этот вопрос задавать не стоило. Однако я не могла представить, чтобы кто-то знал об этом больше госпожи Кан. Возможно, она даже почитала западного бога вместе с убитыми.

Я продолжила:

– Не знаете ли вы, что послужило причиной таких внезапных трагедий?

– Все недавно найденные тела... – она заговорила тише, как будто сопротивлялась чему-то невероятно тяжелому. – Это те, кто отказался отречься от западного учения. Видишь ли, Соль, в Чосоне опасно быть другим. Королева-регентша Чонсун[31 - Королева Чонсун (1745–1805) – королева-регент Кореи с 1800 по 1805 г., вторая супруга покойного короля Ёнджо, управлявшая королевством в начале правления короля Сунджо, которому в момент восхождения на трон было 11 лет.] готовит магистратов к укреплению огатон чхи поп.

Я недоуменно нахмурилась, не понимая, о чем она говорит.

– Ближайшие пять месяцев, пока длится официальный траур перед погребением старого короля, все будет тихо. Но потом каждые пять семейств объединят в группы, и, если хоть в одной из семей обнаружится католик, их всех к новому году признают виновными в государственной измене.

– О...

– Я, впрочем, считаю, что эти гонения имеют и обратную сторону. Да, они вырежут католиков, которых все королевство ненавидит за то, что они отличаются. Но на самом деле королева-регентша тем самым хочет уничтожить противостоящую ей партию.

– Южную партию, – прошептала я и чуть было не добавила: «К которой принадлежит отец госпожи О». У меня на губах уже вертелся следующий вопрос. И хотя я понимала, что и так слишком много спросила, готовность, с которой госпожа Кан все рассказывала, подстегнула меня продолжить: – А как эта партия связана с католицизмом, госпожа?

– Весьма существенный вопрос. – Она поднесла к губам трубку и выдохнула струйку дыма, которая тут же закрутилась в воздухе. – Южные ученые чиновники первыми начали распространять католицизм, когда он только появился в наших краях. Они делали это во имя реформ, однако регентша полагает, что так они хотят вернуть себе власть в правительстве.

Я опустила взгляд и принялась теребить свисающую с рукава нитку. Господа и госпожи из знатных семей, родители и родственники в семьях низкого происхождения – все они убивали еретиков в страхе за собственные жизни. И скоро страх и паника запустят длинные острые когти даже в ближайшее окружение императора. Вполне возможно, что любовник убил госпожу О, осознав, каким бедам ее еретические взгляды могут подвергнуть его и тех, кого он наверняка любил больше ее. А может, госпожу О убила ее мать. В столице нередко убивали, чтобы сохранить честь семьи.

– Тебя всерьез взволновало это дело, – торжественный голос госпожи Кан вновь привлек мое внимание к ее темным глазам, неотрывно глядящим прямо на меня. От беспокойства, которое охватило женщину несколько минут назад, не

осталось и следа. – Ты можешь подозревать кого угодно, но не делай поспешных выводов. Не зацкливайся на чем-то одном. Досконально исследуй дело со всех сторон.

– Я всего лишь служанка, госпожа, – напомнила я. – Умозаключения слуг никого не волнуют.

– Все причастные к расследованию должны быть очень аккуратны. Вы должны обдумывать каждое решение, иначе однажды оглянетесь назад и поймете, что оно чего-то вас лишило, и это уже ничем не заменить. Поэтому ступай осторожно, тамо Соль... Крайне осторожно.

Одна только мысль о том, что мои решения на что-то могут повлиять, отзывалась во мне ощущением свободного падения. Словно я была птицей, которую выпустили из клетки навстречу бесконечному небу. И все же я не могла избавиться от страха, что женщина меня искушает. Она же сама говорила: быть другим опасно.

– Я понимаю, – прошептала я.

Наш разговор прервал звук приближающихся шагов. За бумажной дверью возник силуэт служанки. Она поклонилась и ровно произнесла:

– Госпожа, к вам пришел ученый Хван.

– Так, значит, он явился... – госпожа Кан выдохнула струйку дыма и вновь повернулась ко мне. – Ты весьма любопытна, так что я расскажу тебе одну историю. У меня с самого детства была интересная особенность. Я знала то, чего не знал никто другой. Могла посмотреть на лицо мужчины или женщины и тут же многое о них рассказать. Например, однажды я сказала, что брак плох, – и через какое-то время пара действительно развелась. Меня в детстве даже называли свахой. – На ее губах заиграла улыбка. – Тебе это может казаться невероятным, но на деле характер человека можно распознать по тому, куда направлены его эмоции, действия, слова – так же, как по гнезду сороки можно понять направление ветра.

Я молчала, не смея ее прерывать. Она могла многое рассказать о людях и, похоже, немало знала и обо мне, хотя для меня она оставалась загадочной и

непостижимой. Я никак не могла понять, почему женщина ее положения – богатая, привилегированная, ни в чем не нуждающаяся – готова всем рискнуть ради ереси.

– Мне сообщили, что ты спасла своего инспектора.

– Да, госпожа, – прошептала я.

– Без сомнений, ты храбра. Ты также весьма умна, и сердце у тебя доброе. А еще ты обладаешь невероятным любопытством. Хитрая, но в то же время честная. Тем не менее в тебе слишком много сочувствия, и оно тебя сожжет. – Она не отрывала от меня глаз, словно вглядывалась в дебри моего будущего. – Тебя поглотит тьма. Но не позволяй страху мешать тебе творить добро, там Соль. Все умирают. Гораздо сложнее умереть не напрасно.

Я выпрямилась. В груди разрасталось ощущение пустоты.

– О чем вы говорите, госпожа?

Вместо ответа она проговорила:

– Помни, если попадешь в беду... приди ко мне за помощью.

* * *

Как только я вышла из гостевого зала и надела сандалии, передо мной приглушенным пятном мелькнул ханбок Урим. Всего на мгновение – девушка тут же исчезла за воротами. Я пошла за ней, стараясь ступать как можно тише. Раз уж я не нашла ответов у госпожи Кан, то пришло время снова расспросить служанку.

За воротами оказался еще один тихий дворик, принадлежавший женской половине поместья. Я спряталась в тени огромных сердцевидных листьев павлонии, растущей возле каменной стены. В нескольких шагах от меня Урим поставила поднос на землю и на цыпочках подобралась к павильону посередине. Заглянула сквозь порванную бумагу на дверях и через секунду, будто испугавшись слежки, убежала, забыв про поднос.

С бешено колотящимся сердцем я тихо подошла к павильону. Наклонилась к прорехе. От бумаги отразилось мое теплое дыхание. Внутри, скрестив ноги и опустив вниз глаза, сидел мужчина средних лет. Его черные волосы были собраны в хвост, а широкое лицо было покрыто мелкими рубцами.

Мужчинам запрещалось слоняться по женской половине дома. Отцы и братья еще заходить могли, но ненадолго. А этот мужчина явно прятался тут от посторонних глаз...

Вполне возможно, от глаз следователей.

Волосы у меня на голове встали дыбом. Я попыталась отбросить ошеломившую меня догадку, но было уже поздно. Выкинуть эту мысль из головы было невозможно.

Я выскользнула из двора так же тихо, как и пришла. Забрав до сих пор пустую рыночную корзинку и не сказав никому ни слова, я поспешила прочь. Тайны госпожи Кан жгли меня изнутри.

Пять

Утробный грохот колокола эхом разносился по улицам и переулкам, объявляя о начале комендантского часа. Время полнейшей тишины. Лишь иногда спокойствие нарушали шаги и несущийся им вслед крик патрульного: «Хватайте его!»

Все утро и весь день я провела в попытках задобрить старшую служанку. Она очень разозлилась: в конце концов, я накануне действительно слишком много времени провела у госпожи Кан. Поэтому сегодня я положила все силы на работу, пока каждая мышца не начала болезненно протестовать.

Наконец небо потемнело. Пора было ложиться спать, но мне предстояло еще одно дело.

Я с фонарем стояла перед воротами и ждала тамо Эджон. По изгибам крыш гуляли дымные тени от пылающих железных котлов, так похожие на полночные волны из моего детства, что то разбивались о скалы, то отступали обратно. Нередко я, стоя в дверях нашей хижины, наблюдала за их танцем. Танцем, достигшем луны.

Меня всегда очаровывала луна: она казалась такой одинокой, запечатанной внутри темноты. Когда-то давно брат поведал мне ее историю:

Чтобы спрятаться от голодного тигра, двое детей по веревке взобрались на небо. Брат стал солнцем, а сестра стала луной. «Я так боюсь ночи», – призналась сестра, и тогда брат ответил: «Тогда я буду луной вместо тебя». И так брат стал луной, а сестра – солнцем.

Я открыла глаза: пространство вокруг заливал свет. В столице редко когда стояла крошечная тьма, особенно в полицейском ведомстве, где жизнь бурлила даже ночью. Из восточного двора раздавались стоны заключенных. Слуга с горящим факелом в руках рыскал глазами по земле, словно что-то искал. Большинство кванби – полицейских слуг – возвращались на ночь домой, однако тамо были ибёк, жившими при полиции слугами, и возвращаться нам было некуда. Мы жили прямо в ведомстве.

Главный павильон освещали свисающие с карнизов фонари. Наши командующие едва успели отдохнуть, когда сообщили об убийстве.

Ханок, напротив, был разделен на три части: кабинет командора, зал собраний и гостевой зал. Бумажные двери кабинета были настежь распахнуты, и внутрь задувал легкий летний ветерок. В помещении, преклонив колени, сидели двое мужчин. Инспектор Хан занимал место подчиненного, а командор восседал на почетном месте во главе стола, перед панельной ширмой. До меня доносились их приглушенные, но разборчивые голоса, схожие с шелестом деревьев вдали.

– Я слышал, вас навещал советник Чхой, – произнес командор.

– Верно, ёнгам[32 - Ёнгам (кор. ??) – исторически так обращались к государственным служащим второго низшего и третьего высшего ранга (помощнику секретаря, помощнику министра)]. Его светлость напомнил мне о том, что он был дружен с... – инспектор Хан прочистил горло, – с моим отцом. И

попросил помочь в честь былых времен.

– С чем помочь?

– Он опасается, что регентша начнет истреблять «южан».

– Ну конечно. Должно быть, считает, сколько ему жить осталось.

– Безусловно. Советник Чхой боится, что теперь, когда он лишился покровительства короля Чонджо, «партия старых»[33 - Норон (кор. ??), также «партия старых», «старое учение» – политическая партия, появившаяся после раскола «западной партии» на «партию старых» (Норон) и «партию молодых» (Сорок).] доберется до него. Он ищет защиты.

– И чем ты можешь ему помочь?

– Поимкой священника Чжоу Вэньмо.

Комнату наводнила тишина. Я практически чувствовала, как в воздухе рябью расходится напряжение. Священник Чжоу Вэньмо. Плакаты с его лицом были развешены по всей столице, по моему родному городу и, скорее всего, по всему королевству. Единственный священник в Чосоне.

Инспектор Хан продолжил:

– Если советник Чхой провозгласит, что поспособствовал поимке священника, его светлость может избежать участи остальных «южан». Однако можете быть уверены, я не собираюсь ему помогать.

Тут мне в голову пришла одна мысль, и по спине пробежал холодок. Советник Чхой боялся погибнуть, потому что его партия связана с католицизмом, а сын советника ненавидел католичку госпожу О за испытанное унижение. Я начинала проследивать связь.

– Айгу, айгу. Вечно ты подслушиваешь!

Ко мне подошла Эджон с подносом, на котором стояли бутылки вина и чаши для полицейских, на ночь остававшихся в ведомстве. Эджон была на год старше меня, но на голову ниже. Собственно, я была выше большинства полицейских тамо.

– Однажды ты узнаешь то, что не следует, и это тебя убьет.

– Они никогда не узнают, – ответила я. – Я невидима.

Когда мы проходили мимо павильона, я заметила человека, на которого ранее не обратила внимания. В тених возле колонны стоял старший полицейский Сим. Он наверняка должен был нас увидеть, но даже не оглянулся, когда мы прошли. Он неотрывно смотрел на командора Ли и инспектора Хана, и вечно суровый изгиб его бровей как-то поник. Мне показалось, что в его глазах я разглядела отчаяние.

Похоже, ведомство вытягивает радость из каждого, пока от нас не останется одна пустая оболочка.

* * *

– Соль! Держи фонарь выше!

Эджон всеми силами старалась не уронить звякающие на подносе бутылки. Мы только что прошли сквозь маленькие ворота в западный двор. Она тихо заговорила со мной:

– Полицейский Кён, кстати, тоже там. И он до сих пор не простил тебя за кражу лука.

Я как будто проглотила кипящей воды. Я и забыла уже почти о том случае, но сейчас меня снова обожгло яростью.

– Ты, может, считаешь его непритязательным полицейским, но задумайся: как полицейский Кён, который совершенно не умеет сражаться, получил такую должность? Да просто его предки были из высшего сословия, и у него до сих пор есть связи среди влиятельных семей.

– Знаю, знаю, – пробормотала я.

– А вот старший полицейский Сим... – Эджон оглянулась через плечо, словно хотела убедиться, не идет ли он по пятам, – он совсем другое дело. Его положение в обществе ниже, чем у Кёна.

– Что? Он не из знатной семьи?

– Он соджа, незаконнорожденный. Из-за нечистой крови ему даже экзамен запретили проходить.

Я озадаченно нахмурилась. Офицеров отбирали по итогам военного экзамена – мугвы, – и в них было дозволено участвовать всем мужчинам, кроме незаконнорожденных сыновей. Соджа, как и невежественным крестьянам, не дано было подняться по социальной лестнице.

– Но тогда как он стал военным офицером? – удивилась я.

– Инспектор Хан. Он сказал командору, что нельзя попусту тратить такой талант. Ты же знаешь, как близки они с командором – инспектор ему прямо как сын. Так что наш командор... Соль! Фонарь!

Я подняла обратно фонарь из рисовой бумаги, за которой ярко теплилось пламя.

– Я как-то раз подслушала разговор с полицейским Симом. Он говорил, что у его отца нет законного сына, – продолжала Эджон. – И вместо того, чтобы объявить Сима наследником, тот усыновил племянника. Ничего необычного, но... представь, какую боль испытал отвергнутый отцом сын? Неудивительно, что он такой тихий. Он даже когда с нами говорит, взгляд в землю опускает!

Я вдруг поняла, что полицейский тоже отмечен, как и я. Невидимое клеймо было выжжено у него на лбу: «Сын любовницы».

«Надо быть к нему добрее, – подумала я. – Все же мы оба изгои».

– А полицейский Кён может проходить военный экзамен сколько душе угодно, – проворчала Эджон. – Только вот Кёну никак не хватит таланта его сдать. Ему вообще мало что хорошо дается.

– Кроме, разве что, крысятничества. Уверена, в прошлой жизни он был крысой, – пошутила я и, когда Эджон прыснула, добавила: – Жаль только, внешне не похож.

Эджон засмеялась, и я вместе с ней; пустой двор заполнило наше заговорщическое хихиканье. Но очень скоро нам пришлось утихнуть: мы оказались перед низкими ступеньками к длинному деревянному зданию, освещенному огнем от двух пылающих котлов. Мы поднялись, я оставила фонарь на террасе и открыла раздвижную дверь. Дерево задребезжало. Здесь полицейские, скрестив ноги, предавались разговорам, чтению и латанию полицейской формы. В углу небрежной стопкой было навалено хлопковое постельное белье. На деревянных гвоздях на стене за шелковые ленты были подвешены черные полицейские шляпы.

Мы с Эджон принялись устанавливать низенькие столики, но я нутром чувствовала присутствие полицейского Кёна, как если бы он был назойливым, невидимым глазу комаром. Я очень старалась не обращать на него внимание, склоняла голову, смотрела на бутылки и чаши, но засевший в голове вопрос упрямо поднимал мой взгляд вверх: «Он до сих пор на меня злится?»

Он наблюдал за мной с недовольной натянутой улыбкой.

Я больно закусила нижнюю губу, вспомнив, как я вырвала у него из рук лук, словно Кён был всего лишь глупым мальчишкой. Очень хотелось провалиться под землю. Для мужчин честь была дороже жизни, а я его обесчестила. Посрамила перед другими полицейскими.

– Что за дерзость! – испугал меня выкрик одного из старых полицейских. – Как ты смеешь так прямо глядеть в лицо старшему по званию?!

Я раскаянно извинилась, вновь опустила голову и продолжила разливать вино по чашам.

– Ничего страшного, – тихо произнес Кён.

– Нет, господин, нельзя позволять им относиться к вам с неуважением, – залебезил старый полицейский перед гораздо более юным Кёном. – Соль до сих пор только учится, и ее надо сразу жестко наказывать, иначе она так никогда и не станет правильно себя вести.

– Это существо настолько тупое, что вряд ли ее получится научить хоть чему-нибудь. – Кён в несколько глотков осушил чашу. – Налей мне еще.

Я аккуратно и медленно наполнила чашу вином, и тут Кён резким движением руки плеснул жидкость мне в лицо. В груди поднялась волна гнева, но я сидела смирно. Вино стекало по лбу, щекам, капало на ладони, в которых я держала бутылку.

Я покрепче сжала зубы и напомнила себе: «Служанка не должна проявлять эмоций. Спрячь их до той поры, пока не останешься одна. Кричать и плакать будешь, когда все заснут».

А полицейский Кён как ни в чем не бывало повернулся к полицейским и спокойно произнес:

– Я слышал, госпожа Ким просто в ярости.

Полицейские не ответили: они молча смотрели на мое пропитанное стыдом лицо. Наконец старый полицейский уточнил:

– Это мать той безносой жертвы?

– Она самая. Она-то думала, что ее позовут на осмотр тела, однако протокол не был соблюден. Госпожа Ким приказала привести к ней слугу инспектора Хана для наказания. – Кён почесал подбородок, словно бы задумавшись. Как будто он был на это способен. – Поговорю, пожалуй, с инспектором Ханом. Предложу ему одну служанку, которая наверняка будет рада вновь спасти ему жизнь...

Его взгляд остановился на мне, и в голове вихрем пронеслась мысль: «Инспектор Хан в жизни не навредит мне».

– Чего это ты улыбаешься? – требовательно произнес он.

– Нэ? – я смутилась. – Я не улыбаюсь, господин.

– Нет, улыбаешься.

– Не улыбаюсь!

Он на мгновение замер, а в следующую секунду уже бросился ко мне, да так быстро, что я даже дернуться не успела. Он схватил меня за воротник и потащил, натягивая ткань на шее не хуже петли; каждый раз, спотыкаясь, я начинала задыхаться. Рывок – и я, оказавшись в воздухе, рухнула на ступеньки и покатилась вниз, во двор. Рот наполнила слюна с медным привкусом. Я потеряла всякое ощущение пространства.

– Ты кем себя возомнила, инёна? – со смертельным спокойствием проговорил Кён. Он много как называл меня в прошлом, но сухой ещё никогда. В свете горящего в котле пламени мне было видно его бледное лицо, перекошенное от убийственной ярости. – Думаешь, раз ты один раз инспектора впечатлила, то уже перестала быть рабыней?

Он двинулся ко мне, и с каждым его шагом, с каждым треском грязи под ногами я чувствовала, как у меня сжимается желудок. Внутри все сжалось в ожидании удара. Вместо этого Кён присел и вытянул шею, заглядывая мне в глаза.

– Помни свое место, – Кён ударил меня по затылку, и перед глазами заплескали белые точки. – Ты должна разносить чай. – Еще один удар. Похоже, он решил забить мне этот урок прямо в голову. – А не раскрывать преступления. – Удар. – Айгу, айгу. Только взгляни на себя. Какая гордость, какое высокомерие! – Удар. – Кем ты себя возомнила, девочка?

Я стояла на четвереньках, прерывисто дышала, и от каждого удара меня качало из стороны в сторону. Затылок горел унижением, а глаза застилали слезы, которых я прежде не знала – слезы ненависти. Будь здесь мой брат или хотя бы инспектор, они бы поставили Кёна на место. Но вокруг были только полицейские, вышедшие наружу посмотреть и позлорадствовать. Кроме меня, у меня никого больше не было.

Полицейский Кён занес руку для нового удара, но я увернулась и, пошатываясь, поднялась на ноги.

– Кем я себя возомнила? – повторила я. Мой голос был подобен стали, пусть колени и дрожали. – Девочкой, которая в состоянии удержать в руках лук. Не надо винить меня за то, что ты из него стрелять не умеешь.

Он вскочил и вылупился на меня, не веря своим глазам.

– А ну-ка повтори, инёна! – зарычал он, брызжа слюной.

– Инспектор Хан пообещал, что за спасение его жизни сделает для меня все. Может, попросить его выслать тебя из ведомства?

– Ха! – Нечто близкое к безумию промелькнуло в его глазах, огромных, как два рта, что вот-вот целиком меня заглотят. – И ты думаешь, он променяет меня на тебя?

– Тогда делай со мной что хочешь, раз ты мне не веришь. Унижай меня. Бей. Избивай. – Я залезла рукой за пазуху, достала оттуда норигэ и подняла повыше, чтобы его было видно в свете факелов. Янтарная черепаха сверкнула, голубые нити кисточки развевались в воздухе. – Это мне дал инспектор Хан, а он всегда верен своему слову. Это всем известно. И хочет он того или нет – клянусь, если ты еще хоть пальцем меня тронешь, я тебя раздавлю.

Полицейский Кён сделал назад шаг, другой.

– Есть такая старая поговорка: «Ирсан пурён ихо» – «Двум тиграм на одной горе не ужиться», – под напором распиравшей мужчину ярости слова, сорвавшиеся с его дрожащих губ, превратились в шепот. – Из нас с тобой, Соль, один должен уйти. И это буду не я.

Его взгляд метнулся к зрителям, со стыдом взиравшим на происходящее. Они прекрасно понимали, что служанка ни за что не будет бросаться подобными угрозами, не будь они правдой. Когда Кён повернулся обратно ко мне, в его взгляде что-то изменилось.

– Я хотел было об этом умолчать ради инспектора Хана. Но теперь, думаю, моей верности он не заслуживает, – Кён улыбнулся, и в его глазах сверкнула новая искра. – Я искал свидетелей и нашел в гостинице одного пьянчужку, который все видел.

Я продолжала стоять, сжимая в руках нorigэ – единственное, что меня сейчас защищало. Я в безопасности, уверяла я себя. Инспектор Хан бы меня поддержал...

– Инспектор Хан был тем самым мужчиной в синих одеждах, которого встретила служанка Сои. Тебе не кажется странным, что он решил не упоминать об этой встрече? Разве ему есть что прятать?

Сердце похолодело, от исступления закружилась голова.

– Т-ты сам не знаешь, о чем говоришь.

– А ты как будто что-то знаешь, – прошипел он. – Все, что ты там себе надумала, – всего лишь твои фантазии. И я разобью их вдребезги. Это пойдет тебе на пользу.

На землю тяжело приземлилась капля воды, и Кён тут же уполз в поисках укрытия, решив, по всей видимости, что ради меня он под дождем мокнуть не будет. В тот же момент ко мне подбежала Эджон, осторожно дотронулась до моего локтя и прошептала:

– Соль-а, пойдем.

Но я не двинулась с места. Несколько капель упало мне на шею, и почти сразу струи дождя порывами пролились на землю. Факелы зашипели, и мир погрузился во тьму.

Шесть

На небе притаились серые облака, а улицы после вчерашнего ливня превратились в сплошную грязь. От жары и влажности я так вспотела, что к коже липло буквально все – грязь, волосы, одежда, еще грязь. И от беспокойства, охватившего мою душу, лучше мне не становилось. Все утро я только и делала, что оглядывалась через плечо. Дружки Кёна постоянно сверлили меня глазами, их взгляды покалывали мне плечи, поднимали волосы на затылке.

«Инспектор Хан был тем самым мужчиной в синих одеждах. – Крутились у меня в голове слова Кёна. – Именно его встретила служанка Сои».

«Один пьянчужка в гостинице все видел».

– Гостиница... – прошептала я.

Даже моя новая подруга Урим советовала зайти в гостиницу на перекрестке, если понадобится информация. Должно быть, служанка Сои забежала к госпоже Сон спросить, видела ли она или ее посетители госпожу О.

– Вечно витаешь в облаках и не работаешь, – голос старшей служанки вернул меня к действительности. – На еще одно наказание напрашиваешься? А ну-ка, ступай! Тебя все тамо ищут. Надо накрыть чай командору Ли и его гостю.

В груди тяжелым шаром перекатывались противоречивые чувства: очень уж мне не хотелось этим заниматься. Однако несколько мгновений спустя я тихо, как тень, шагала вслед за другими тамо по двору. Каждая из нас держала в руках по подносу. На моем были аккуратные тарелочки с закусками: тонко нарезанная маринованная свинина, мелко порезанные фрукты, мягкая спелая хурма, жареные овощи в специях. Я нетерпеливо стучала пальцем по краю подноса, и тарелки дрожали. Я знала, что где-то можно найти ответы, доказывающие вранье Кёна, доказывающие, что инспектор Хан не имеет никакого отношения к мужчине в синих одеждах, которого видела служанка Сои. Но все, что я могла сейчас делать, это, как мне и должно, разносить чай.

И когда мы вошли в гостевой зал, заполненный низким рокотом мужских голосов, мои шаги были все столь же тихими.

Командор Ли, скрестив ноги, сидел перед раскладной ширмой. У него была длинная жидкая черная борода; брови будто рассекали его лицо и вспыхивали по краям. Даже без бордового шрама он выглядел бы пугающе.

Гостя командора нельзя было назвать красивым, но внешность у него была запоминающаяся. Тонкие брови, похожие на листья ивы, остроугольное лицо с хитрыми глазами. Он походил на какого-нибудь поэта. Судя по одежде, жизнь его была полна роскоши: на нем была легкая нефритового цвета накидка без рукавов, под ней белый халат из рами, а на поясе повязана тонкая синяя бечевка.

Мы вместе с остальными тамо накрыли стол перед мужчиной, а потом, склонив головы, отошли к стене и сели на колени. Мы были невидимы. Обычно мы все слышали, но сегодня разговор прошел мимо меня, скатился, как дождь по крыше.

Я запомнила только две вещи.

Во-первых, нашем гостем был ученый Ан. Он прожил двадцать одну зиму, и он учил младшего брата госпожи О.

Во-вторых, Ан задал тысячу вопросов, и вся эта тысяча была об убийстве госпожи О. Он был другом семьи и, естественно, очень интересовался ходом расследования.

Нас отпустили, и мы на некоторое время задержались на террасе снаружи – на случай, если гостю или командору что-нибудь понадобится. Старшая служанка всегда учила нас становиться вне зоны слышимости, стоять неподвижно, как стол или стул, опускать головы, словно бы говоря: «Мы не смеем быть замеченными».

Но мой разум совсем не хотел оставаться неподвижным. Я уже всю раздумывала, как добраться до гостиницы.

* * *

Я никогда особо не представляла, к кому взываю, но в момент нужды у меня на губах сама собой зародилась молитва: «Пожалуйста, пускай я найду здесь ответы».

Я, сцепив ладони, стояла перед гостиницей с соломенной крышей, к которой вела низенькая калитка из хвороста. Во дворе на помосте сидели люди, обмахивались веерами, курили трубки. Это место было одновременно и гостиницей, и трактиром. По обычаю здесь платили только за еду и напитки, а комнаты и конюшни были бесплатны.

– Чумо! Чумо! – прокричал один из мужчин внутрь гостиницы, потряхивая пустой бутылкой. Когда хозяйка не ответила, он нараспев произнес: – Госпожа Со-о-он!

Из здания вышла немолодая женщина с целым подносом винных бутылок. Волосы у нее были заплетены в пучок и закреплены шпилькой со сверкающим красным стеклом. Пока она обслуживала гостей, я постаралась как можно внимательнее рассмотреть ее. Я уже встречала госпожу Сон, когда бродила по улицам и показывала прохожим портрет брата, и сейчас наверняка должна была ее узнать. Но прежде чем я успела разглядеть ее лицо, женщина исчезла на кухне. Я села на помост и pokrutila головой из стороны в сторону. Я надеялась, что она скоро вернется.

– Ты из полицейского ведомства? – вдруг услышала я голос.

Я обернулась и поняла, что все местные пьяницы и транжиры смотрят прямо на меня – единственную девушку на террасе, забитой низенькими столиками, бутылками рисового вина и мисками с горячим рисом и тушеным мясом. Мне помахал пожилой мужчина в грязно-белой накидке, с завязанными в высокий пучок волосами и длинной бородой серо-желтоватого цвета. Он, скрестив ноги, сидел за столиком слева от меня.

– Налей мне выпить, и я поведаю тебе все, что ты хочешь знать. Может быть, ты меня даже прежде видела: когда-то я был шутком и рассказывал всякие истории. Но, к сожалению, – он драматично вздохнул, и меня обдало запахом алкоголя, – меня выкинули из моей странствующей трупы.

«Потому что пил слишком много?» – подумала я, усаживаясь за стол. Теперь я сидела совсем близко к нему, и, пока я подливала ему вина из бутылки,

пришлось задержать дыхание.

– Я пришла, потому что, как мне известно, госпожа Сон знает обо всем, что происходит в столице.

– О, она очень много всего знает. Все, кроме пути к одному мужскому сердцу, – он подернул губами, словно они у него так и чесались посплетничать.

– Вы о советнике Чхой? – посмотрела я на него.

– Так ты слышала, о чем толкуют!

– Не совсем.

– Что ж, что ж! Давай расскажу тебе одну историю о страсти и предательстве...

– Спасибо, но мне и быстрый пересказ сойдет, – я оглядела двор в надежде увидеть госпожу Сон. – У меня мало времени, господин.

Он отмахнулся от моей просьбы, как от назойливой мухи.

– Так вот, это история о любви между чиновником и кисэн, которая никогда не улыбалась. Советник Чхой был человеком азартным, и, когда он узнал, что ни один мужчина так и не смог вызвать улыбку у госпожи Сон, он ринулся в бой подобно генералу, который вот-вот захватит королевство. Месяц за месяцем он проявлял к ней всевозможные знаки внимания и не заметил, как со временем сам в нее влюбился. Одним днем, не желая больше держать эти чувства в себе, он признался ей в любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дворец Чхандок (кор. ???) – дворцовый комплекс в Сеуле, Южная Корея. Один из пяти больших дворцов, построенных королями династии Чосон. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

Саткат (кор. ??) – коническая шляпа из листьев, текстиля или соломы для защиты от дождя и солнца.

3

Тамо, или дамо (кор. ??) – женщины на государственной службе во времена династии Чосон. В социальной иерархии Кореи они считались даже ниже рабов; их главной обязанностью было разносить чай («тамо» переводится как «чайная служанка»). В полиции тамо расследовали дела, связанные с женщинами, т. к. для мужчин многие взаимодействия с женщинами считались неприличными.

4

Чонджо (1752–1800) – 22-й король государства Чосон, один из самых выдающихся правителей Кореи.

5

Ханян (кор. ??) – название Сеула с 1394 до 1948 г.

6

Рами – ткань из китайской крапивы.

7

Норигэ (кор. ???) – традиционное корейское украшение из нитей с плетеными узорами и узлами, дополненное бусинами или ювелирными украшениями и большими разноцветными кистями. Использовалось для украшения одежды.

8

Пхэдо (кор. ??) – маленький нож «чандо» для украшения и защиты чести.

9

Нэ (кор. ?) – «да», выражение согласия по-корейски.

10

Дворец Кёнбок (кор. ???) – дворцовый комплекс в Сеуле. Главный и крупнейший дворец династии Чосон, где жила королевская семья. Один из пяти больших дворцов, возведенных королями Чосона.

11

В Корее при замужестве жены не берут фамилию мужа, однако их дети носят фамилию отца.

12

Ханок (кор. ??) – традиционный корейский дом с глиняными стенами и крышей из соломы или черепицы.

13

Восточный зодиак в Корее использовался не только для годов, но и для исчисления часов в сутках. 24 часа делились на 12 промежутков, и каждый промежуток соответствовал какому-либо животному. Час Крысы длится примерно с одиннадцати часов вечера до часа ночи.

14

Чжоу Вэньмо (1752–1801) – первый иностранный (китайский) католический священник в Чосоне.

15

Улица Юкчо, или улица Шести палат (также «улица Шести министерств»/«улица Шести приказов») – улица в Ханяне в эпоху династии Чосон, на которой располагались главные королевские ведомства. Сейчас на ее месте находится площадь Кванхвамун.

16

Пун (кор. ?) и чхон (кор. ?) – меры длины. Один пун равняется трем миллиметрам, один чхон – примерно трем сантиметрам.

17

Гора Инван, Инвансан (кор. ???) – 338-метровая гора в Сеуле. Отличается большим количеством гранитных глыб. Название переводится как «гора щедрого короля».

18

Орабони (кор. ????) – букв. старший брат, вежливое обращение девушки к родному или сводному брату.

19

Чан Ёнсилъ (1390 – после 1442) – корейский ученый и изобретатель, родившийся наби, но служивший при королевском дворе.

20

Седжон (1397–1450) – четвертый король Чосона.

21

Айгу (кор. ???) – междометие, передающее широкий спектр эмоций (чаще негативных) от удивления и восхищения до негодования.

22

Ноби (кор. ??) – рабы, или крепостные, в эпоху династии Чосон.

23

Ханбок (кор. ??) – национальный корейский традиционный костюм. Женский ханбок состоит из чогори (блузка, рубашка или жакет) и чхима (юбки), мужской – из чогори и штанов паджи.

24

Гора Нам, Намсан (кор. ??, букв. «южная гора») – 262-метровая гора в центре Сеула. Сейчас на ней располагается Сеульская телебашня, или башня N.

25

Верховный государственный совет (Ыйджонбу, кор. ???) был высшим совещательным органом, в составе которого было три человека: главный (первый) государственный советник (Ёныйджон, кор. ???), левый (второй) государственный советник (Чваыйджон, кор. ???) и правый (третий) государственный советник (Уыйджон, кор. ???).

26

Омо (кор. ??) – междометие, передающее восхищение и другие позитивные эмоции.

27

Кисэн (кор. ??) – в Корее артистки развлекательного жанра; куртизанки, развлекавшие высокопоставленных мужчин на званых вечерах танцами, пением, поэзией, разговорами.

28

Панмаль (кор. ??) – неформальная разговорная речь.

Суффиксы – а/-я (кор. – ? / – ?) в конце имени используются в неформальном общении в качестве уменьшительно-ласкательных.

Ын (кор. ?) – просторечное «да» по-корейски.

Королева Чонсун (1745–1805) – королева-регент Кореи с 1800 по 1805 г., вторая супруга покойного короля Ёнджо, управлявшая королевством в начале правления короля Сунджо, которому в момент восхождения на трон было 11 лет.

Ёнгам (кор. ??) – исторически так обращались к государственным служащим второго низшего и третьего высшего ранга (помощнику секретаря, помощнику министра).

Норон (кор. ??), также «партия старых», «старое учение» – политическая партия, появившаяся после раскола «западной партии» на «партию старых» (Норон) и «партию молодых» (Сорок).

Купить: https://tellnovel.com/her_dzhun/molchanie-kostey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)